

Юрий Альбертович Дзиццойты

¹ Кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой осетинского языка
и общего языкознания ЮОГУ

им. А. А. Тибилова (100001, РЮО,
Цхинвал, ул. Путина, д. 8)

² Научный сотрудник научно-
исследовательского отдела «Центр
скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН
(363110, РСО-Алания, с. Михайловское,
улица Вильямса, 1)

E-mail: dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

ПОЭМА «АЛГУЗИАНИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. В статье рассматривается поэма анонимного автора XIV в., посвященная осетинскому царю Алгузу. На основе текстологического анализа в поэме обнаружены лакуны, появившиеся по вине «редактора» в XIX в. Сопоставительный анализ позволил датировать события, описанные в основной части поэмы, концом XIII — началом XIV вв. Главный герой поэмы возглавил борьбу осетинского народа против татаро-монгольских завоевателей. Затрагиваются также некоторые другие вопросы средневековой истории Осетии.

Ключевые слова: поэма «Алгузиани», датировка, осетины, монголы, освободительная борьба, сопоставительный анализ.

Для цитирования: Дзиццойты Ю. А. Поэма «Алгузиани» как исторический источник, NARTAMONGÆ. 2025. Vol. XX С. 49–90.

Рукопись поступила в редакцию 20.07.2025

Рукопись принята к печати 08.09.2025

Yuri Albertovich Dzitssoity

PhD, Professor,

¹ Head of the Department of Ossetian Language and General Linguistics,

A. A. Tibilov South Ossetian State University
Putin street, 8, Tskhinval, Republic of South
Ossetia, Russia, 100001

² Researcher at the “Center for Scytho-Alanic Studies” of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Williams street, 1, Mikhailovskoe village,
North Ossetia-Alania, Russia, 363110

E-mail: dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

THE POEM “ALGUZIANI” AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract. The article discusses the poem of the anonymous author of the XIV century, dedicated to the Ossetian king Alguz. Based on textual analysis, gaps that appeared through activity of the “editor” in the XIX century were found in the poem. A comparative analysis made it possible to date the events described in the main part of the poem, by the end of the XIII — beginning of the XIV centuries. The protagonist of the poem led the struggle of the Ossetian people against the Tatar-Mongol conquerors. Some other issues of the medieval history of Ossetia are also discussed.

Keywords: poem "Alguziani", dating, Ossetians, Mongols, liberation struggle, comparative analysis.

For citation: Dzitssoity Yu. A. The poem “Alguziani” as a historical source, NARTAMONGÆ 2025. Vol. XX, P. 49–90.

Received on 20.07.2025

Accepted on 08.09.2025

Введение. В 1885 г. в Тифлисе была опубликована анонимная поэма «Алгузиани», написанная на грузинском языке и посвященная восхвалению средневекового осетинского правителя *Алгуза*, или *Алгузона*. Рукопись поэмы была обнаружена в Северной Осетии, в Нузальской крепости (*Нузалы фидар*). Публикация 1885 г. представляла собой лишь часть рассматриваемого произведения, о судьбе остальной части которой у нас нет сведений. В

1897 г. поэма была переиздана с параллельным переводом на русский язык, выполненным профессором М. Джанашвили [А: 90–196].

М. Джанашвили был также первым исследователем анализируемой поэмы. Заметный вклад в ее исследование внес Л. Лопатинский, написавший часть примечаний, а также краткое послесловие [А: 197–198]. Российский ученый датировал поэму первой половиной XV века. Существенный вклад в исследование «Алгузиани» внесли также грузинские ученые К. Кекелидзе и Т. Рухадзе, установившие на основе языковых данных два хронологических пласта в поэме: XIV–XV и XVIII–XIX вв., см. [Джусойты 1980: 49–50]. На этом основании время жизни автора поэмы было отнесено к XVIII–XIX вв. А поскольку, судя по контексту, автор поэмы этнический осетин, на его роль была выдвинута персона дворянина Агъуызаты Иуане, известного в грузинских и русских источниках как «Иван Иалгъузидзе (Ялгузидзе)», см. [Ванеев 1989: 319].

В дальнейшем этот вывод стал общепринятым еще и потому, что грузинизированная форма фамильного имени предполагаемого автора — *Йалгъуз-и-дзе* — является передачей осетинского родового названия *Алгъуыз-тæ* (начальный *й-* в грузинском — протеза, встречающаяся и в других заимствованиях [Андроникашвили 1966: 186, 349, 473]). В современном осетинском языке представлен вариант этого фамильного имени — *Агъуыз-а-тæ* [Ванеев 1989: 320]. Это привело к выводу о том, что Иван Ялгузидзе воспел в поэме своего далекого предка, сведения о котором почерпнул из грузинских летописей, а также из осетинского фольклора [Тыбылты 1988: 140; Аелборт 1985: 270; Чибиров 2017: 238].

Однако, несмотря на наличие в поэме двух разных хронологических пластов, не было проведено текстологического анализа на предмет определения связности и цельности текста. В результате все нестыковки и противоречия были списаны на неумелое обращение автора с историческим и фольклорным материалом. И как еще одно следствие подобного подхода, поэма была признана плодом фантазий автора, не представляющих исторической ценности [Тыбылты 1988: 140; Ванеев 1989: 320; Калоты 1982: 10].

Между тем, как увидим ниже, многие из описанных в поэме событий либо полностью отсутствуют в грузинских летописях и осетинском фольклоре [Тыбылты 1988: 140], либо противоречат им. В частности, М. Джанашвили указал на отсутствие в летописях Грузии сведений о главном герое поэмы, царе осетин и черкесов Алгузе. Отсюда грузинский историк сделал вывод о том, что «этот пробел в летописи восполняется интересующей нас поэмой “Алгузиани”» [Джанашвили 1895: 21]. В конечном итоге М. Джанашвили признал «Алгузиани» «самым важным писанным документом для истории Осетии» [Джанашвили 1895: 20]. При этом М. Джанашвили

провел сопоставительный анализ сведений, изложенных в поэме, с данными грузинских летописей, а также с Нузальской надписью и, частично, с осетинским фольклором. Вместе с тем грузинский ученый отметил противоречия, содержащиеся в тексте поэмы [Там же: 19–22].

Такой подход представляется нам единственно верным. Для синхронизации событий и персонажей, описанных в поэме, мы располагаем несколькими источниками, практически полностью привлеченными М. Джанашвили. Это грузинские летописи, в первую очередь «Жамтаагъ-мцъерели» (XIV в.), Нузальская надпись (XIV в.) и осетинский фольклор. Однако в настоящее время можно расширить круг этих источников (см. ниже). Кроме того, в последнее время появились две важные публикации, значительно приблизившие нас к верному пониманию содержания «Алгузиани».

Мы имеем в виду статьи В. И. Абая [1990] и Ю. С. Гаглойти [2017]. Отметим, что исследование Ю. С. Гаглойти явилось реакцией на дилетантскую работу одного из осетинских литераторов, решившего, что авторство рассматриваемой поэмы принадлежит мужу и соправителю грузинской царицы Тамары, осетинскому царевичу Сослану-Давиду (ум. в 1206 или 1207 г.) [АК: 3–40]. Подменив необходимую в таких случаях систему доказательств отвлеченными рассуждениями об осетино-грузинских взаимоотношениях, этот исследователь объявил Сослана-Давида также и автором поэмы «Витязь в барсовой шкуре» [АК: 20, 29, 36].

Одним из аргументов в пользу авторства Сослана-Давида в отношении «Алгузиани» послужила одна строка в самой поэме, которую наш исследователь приводит в неточном переводе на осетинский язык [АК: 23]. Эта строка гласит: «Афтæ сæ Сослан фæфыста — сахъ Бæгъатыры бындар», т. е. «Все это написано Сосланом — наследником доблестного Багата». Поскольку упомянутого Сослана отождествляют с Сосланом-Давидом, осетинский литератор решил, что именно последний и является автором поэмы. Но, как показал Ю. С. Гаглойти, цитированный перевод не соответствует оригиналу (см. ниже), поэтому ни о каком авторстве Сослана-Давида не может быть и речи.

Кроме того, против авторства Сослана-Давида можно выдвинуть два следующих аргумента. Во-первых, в поэме упоминаются нонцы, а также нонцы-калмухи, против которых успешно воюет главный герой. Как увидим ниже, нонцы — это монгольские нойоны. Показательно, что в исторической драме «Фæтæг Алгъуызы мæлæт» (Смерть вождя Алгуза), целиком написанной по мотивам «Алгузиани», Алгуз воюет именно с монголами [Къубалты 1978: 238]. Монголы появились на Кавказе, спустя 15 лет после смерти Сослана-Давида. Следовательно, он не мог знать о них.

Во-вторых, древнеиранская долгая гласная **ā* перед носовыми в осетинском языке перешла в *о*, причем, переход этот свершился «не очень давно» [Абаев 1949: 203] — «не ранее монгольского нашествия» [Там же: 256]. В настоящее время наиболее оптимальным временем рассматриваемого перехода считается конец XIII—начало XIV в. В рассматриваемом памятнике неоднократно упоминаются личные имена *Алгъузон*, *Сидамон*, а в заглавии ко всей поэме — также имена *Сарагон* и *Чъахилони*. Представленный в них суффикс *-он* в Зеленчукской надписи (XI или XII в.) встречается в форме *-ан* [Там же: 266]. Поскольку Сослан-Давид умер до монгольского нашествия, а в рассматриваемых именах долгая **ā* уже перешла в *о*, поэма могла быть написана только во времена монгольских нашествий или после них.

Таким образом, имя автора поэмы по-прежнему остается загадкой.

Из противоречий, отмеченных в тексте поэмы, важно следующее: «В поэме что-то перепутано: автор ее сначала повествует нам о родословной осетинских царей, происшедших от царя-пророка Давида, а потом сразу сообщает, что Алгуз был сын греческого царя Августа» [Джанашвили 1895: 20]. На эту странность обратил внимание и В. И. Абаев (см. ниже). Однако, это не единственное противоречие в анализируемой поэме.

С другой стороны, сопоставительный анализ четырех памятников, отмеченных М. Джанашвили, с привлечением дополнительного исторического и фольклорного материала позволяет выявить синхронизмы, т. е. двухсторонние, а иногда и трех-, и даже четырехсторонние сведения, позволяющие уточнить или реконструировать некоторые аспекты истории средневековой Осетии.

1. Содержание поэмы «Алгузиани» и критика текста

Отсутствие текстологического анализа препятствовало рациональному осмыслению описываемых в поэме событий. Сегодня многое в ней кажется случайным набором нереальных «фактов», однако в действительности они могут оказаться результатом вмешательства в первоначальный текст.

1.1.1. Сюжет поэмы вкратце сводится к следующему. У «греческого» царя Августа родился сын по имени Алгуз, который похитил дочь сирийского («шамского») царя Э(с)тер и вместе с небольшим отрядом воинов бежал на Кавказ. Из отдельных ремарок автора становится ясно, что Алгуз — осетинский царь, и все его воины тоже осетины. Перевалив через Главный Кавказский хребет, Алгуз приступил к завоеванию Черкесии, на защиту которой встал правитель Чечни, привлечший на свою сторону два народа:

нонцев и хетаджей. Алгуз разбил их, став верховным правителем Черкесии и Чечни. Вскоре к Алгузу прибыл некий Аслан Гамрекели, бежавший от преследований амосарского царя. Алгуз назначил его командующим своими войсками, что привело к войне между царем Амосара и Алгузом. Алгуз убил и этого царя, назначив на его место его жену и оставив в качестве помощника своего брата Куртагона. Аслан Гамрекели же был назначен правителем соседней области Горанды. Спустя какое-то время, Алгуз решил совершить объезд своих территорий и в Амосаре узнал об измене Гамрекели. Алгуз решил наказать своего ставленника, но Гамрекели опередил его, подослав к Алгузу убийц. Алгуза похоронили с величайшими почестями.

Из заслуживающих внимания отдельных «деталей» поэмы отметим лишь то, что во время «черкесской» кампании у Алгуза родился сын, названный Чьархилани, который и наследовал ему.

1.1.2. Ниже мы покажем, что Алгуз, «сын» Августа, не мог быть тем царем, который воевал с нонцами (монголами). Тут мы имеем дело с лакуной, в результате которой многовековая история осетинской царской династии уместилась в «биографии» одного единственного царя — Алгуза. Возможно, именно в этом и заключается одна из причин игнорирования анализируемой поэмы в современных исследованиях по средневековой истории Осетии. Но, с другой стороны, ответственность за эту лакуну вряд ли можно возложить на автора поэмы. Ведь во вводной части он сообщает о своем намерении подробно (в нескольких книгах) изложить историю осетинских царей:

*«Возьмусь записывать в книги о нашем родословии, (о том),
Кто от кого зачался, кто из какой фамилии происходит,
Кто сын какого рода, кто от кого идет
И кто какую оказал отвагу, на земле живя.
Все опишу разумно, правдиво, ничего не изменю» [А: 92 (93)]¹.*

Как следует из полного заглавия поэмы, «Агъустыиан — Алгъузиан — Русиан — Сарагон — Чьахилони» [Джанашвили 1897: 190], между Алгузом и его «сыном», Чьахилоном, было, как минимум, еще два поколения царей, история которых, надо полагать, и была изложена в недошедших до нас книгах.

Вызывает недоумение и тот факт, что в поэме вовсе не упомянут известнейший по грузинским источникам осетинский царь «Дургулел Великий» (XI в.), как не упомянуты и другие цари, которых, согласно осетинскому преданию, было 69 [ИАС, I: 552]. В результате, вместо осетинского

¹ Здесь и далее при ссылке на текст поэмы указывается сначала страница оригинала, а в скобках — страница параллельного русского перевода.

варианта «Шах-наме», читатель получил поэму, в которой первый осетинский царь одновременно оказывается и последним.

1.1.3. В тексте поэмы можно обнаружить и другие противоречия, вытекающие из отмеченного. Так, в девятой строфе [А: 92] говорится следующее²:

*«... Что у овсов был царь сильный, (о том) говорили пранги (европейцы),
Хазары и влахи. Его называли Бакатаром, мы не могли найти равного ему:
Красотою, силою, энергией он удивлял всех выдавших его.
Это написал первородный сын его,
Сослан же соблазнил других сказывателей»*³.

Как видим, автор, подготовив читателя к рассказу о великом царе Бакатаре, неожиданно переключается на первого осетинского царя Алгуза (Алгузона), а в дальнейшем уже не возвращается к Бакатару, очевидно, отождествляя (или путая?) его с Алгузом. Текст поэмы не содержит объяснения этой метаморфозы и остается только гадать, каким образом Бакатар превратился в Алгуза или наоборот — Алгуз в Бакатара? Однако сам факт того, что Алгуз замещает Бакатара, не вызывает сомнений.

1.1.4. Если верить автору поэмы, то Алгуз — первородный сын «греческого» царя Августа-кесаря [А: 94]. Т. е. он мог жить в I-м веке н. э. Но, придя на Кавказ, он попадает в XIII или XIV век, т. к. воюет с нонцами, под которыми, несомненно, скрываются монголы (см. ниже). Между тем, согласно грузинской хронике и осетинским преданиям, в войне с монголами прославился именно Бакатар [АГ: 54 и сл.]. Как представлял себе автор поэмы скачок из первого века в тринадцатый? Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с «синкопой» очень важных событий, в результате которой первый осетинский царь мог превратиться одновременно в последнего.

1.1.5. Технически «синкопу» можно представить так: в первоначальном тексте речь шла о двух разных царях Осетии: первом, Алгузе, сыне Августа, и последнем — Бакатаре. Бежав на Кавказ, первый из них основал династию осетинских царей, последним представителем которой и был Бакатар. Между ними были и другие цари. В соответствии с осетинской традицией, все они, включая Бакатара, именовались *Алгъузон*, т. е. «сын/потомок Алгуза». Видя фонетическую близость между именами первого

² Перевод «Алгузиани», кроме специально оговоренных случаев, везде принадлежит М. Джанашвили.

³ Последние две строки на языке оригинала звучат так: «Ес сцъера пъирмшо, мис дземан, Сослан ацдуна схва мткмелни» [А: 92]. Т. е. под русским словом «сказыватели» у М. Джанашвили скрываются «сказители» = *мткмелни*.

(Алгуз) и последнего царя (Алгузон), кто-то сократил поэму, приписав Бакатару оба имени. В результате деяния Бакатара / Алгузона стали продолжением деяний первого царя Алгуза.

1.2.1. Перед тем, как приступить к установлению автора синкопы, обратимся к другим противоречиям, возникшим из-за его вмешательства.

Начнем с того, что в поэме содержатся противоречивые сведения о сыновьях Бакатара. Во-первых, из цитированного пассажа о первородном сыне Бакатара [А: 92 (93)] становится ясно, что у Бакатара был, как минимум, еще один сын. Однако в заключительной части поэмы утверждается, что у Бакатара остался всего один наследник — сын по имени Чьархило [А: 172, 180, 188], о деяниях которого автор собирался рассказать во второй (не дошедшей до нас) части своего сочинения.

Во-вторых, если первородного сына Бакатара звали Цъахил (Чьархило), то возникает противоречие с полным названием поэмы: «Агъустыиан — Алгъузиан — Русиан — Сарагон — Чъахилони». Как видим, здесь Цахил (Чахилони) не сын, а правнук Алгуза. Но если все же Цахил был его сыном, то Бакатара звали не Алгуз, а Сарагон.

1.2.2. Если исключать синкопу, то непонятым останется и вопрос о национальной принадлежности Алгуза. Судя по контексту, Алгуз — осетин и все его войско тоже осетины. Но как у «греческого» царя Августа-кесаря мог родиться сын-осетин? А как осетинское войско оказалось в «Византии»? И где в то время находилась Осетия? Ведь, судя по контексту, Грузия в период появления Алгуза на Кавказе, на севере непосредственно граничила с Черкесией. Допустив синкопу, мы можем восстановить некоторые факты, позволяющие ответить и на эти вопросы.

Дело в том, что описание некоторых фактов и событий, удаленных, как мы полагаем, из первоначального текста, сохранилось в других источниках. Так, из «Жамтаагъмцъерели» и из осетинского фольклора нам известно о завоевании Картли осетинским царевичем Бакатаром, впоследствии прозванным Ос-Багатаром. Во время этой кампании у Бакатара появилась и жена-наложница, о которой мы знаем как из Нузальской надписи, так и из осетинского фольклора. В поэме же об этом нет ни единого слова. Очевидно, все это в поэме было, но кто-то вымарал соответствующие строки. Однако во второй части поэмы говорится о назначении Алгузом Аслана Гамрекели правителем Горанды, под которой, как мы полагаем, скрывается Картли. Но мог ли Алгуз назначить в Горанду своего наместника, не завоевав ее?

1.2.3. Если не было вмешательства в первоначальный текст поэмы, то непонятен еще один факт. Как известно из «Жамтаагъмцъерели», Бакатар прибыл в Закавказье вместе с матерью и старшим братом в малолетнем

возрасте, причем, прибыл с севера, т. е. с территории современной Северной Осетии [АГ: 54]. А в «Алгузиани» утверждается, что Алгуз прибыл на Кавказ с юга, причем во главе своего военного отряда и вместе с женой.

1.2.4. Существует еще одна странность в тексте поэмы, которую также можно рассматривать в контексте вторичного редактирования. Поэма разбита на отдельные книги, которые в свою очередь разбиты на главы, снабженные заглавиями. Помимо общего названия для всего сочинения («Агъустыиан — Алгъузиан — Русиан — Сарагон — Чъахилони») существует еще и общее название для каждой ее части, или книги, как, например, «Алгъузиани» для дошедшей до нас части [А: 90 (91)]. Внутри книги также имеются главы (или параграфы), которые снабжены подзаголовками. А вот непонятная нам ситуация: в дошедшей до нас книге заключительные главы, посвященные важнейшим вехам в жизни Алгуза, снабжены подзаголовками: «Вступление в Амосари и покорение его» [А: 142 (143)], «Алгузон простился с Амосарским княжеством» [А: 160 (161)], «Алгузон назначает Гамрекели князем Горанды» [А: 170 (171)], «Весть о смерти царя Алгузона» [А: 174 (175)].

На этом фоне вызывает недоумение отсутствие подзаголовков в начальной части дошедшей до нас книги. А ведь там повествуется о совершенно разных этапах жизни Алгуза — конфликте с отцом, добывании жены, боях с войском тестя, прибытии на Кавказ и «черкесской» кампании. Почему эта часть поэмы не разбита на главы и не снабжена соответствующими подзаголовками? Полагаем, что в исходном тексте все это было. Следовательно, синкопа коснулась, в первую очередь, начальных глав поэмы.

1.2.5. Подводя предварительные итоги, отметим, что многие несоответствия и противоречия в тексте поэмы легко можно понять, предположив вмешательство в первоначальный текст поэмы. Из первоначального текста были удалены, во-первых, сведения об осетинских царях, правивших в период между Алгузом (условно говоря, I-й век н. э.) и Бакатаром (XIII–XIV вв.). Во-вторых, сведения о завоевании Бакатаром Картли в 1292 г. Кроме того, полностью исчезла та часть поэмы, в которой рассказывалось о деяниях «сына» или правнука Алгуза/Бакатара — Чахилона. Вместе с тем, в текст поэмы были добавлены другие сведения, которых не могло быть в первоначальном тексте.

1.3.1. М. Джанашвили первым обратил внимание на наличие в поэме двух разных генеалогий осетинских царей. Согласно одной из них, осетинские цари ведут свое происхождение от «греческого» царя Августа [А: 94]. А согласно другой — от библейского царя Давида [А: 92]. Последняя из них, по мнению грузинского исследователя, означает, что цари Алании представляли собой осетинскую ветвь грузинских Багратидов [Джанашвили 1897:

190–191]. Эта версия, принятая и некоторыми осетинскими исследователями [Ванеев 1959: 113, 141; Гæдиаты 1991: 497], представлена и в одной из заключительных строф поэмы [А: 188].

Однако в настоящее время установлено, что версия о грузинском происхождении осетинской царской династии родилась под пером грузинского историка Вахушти Багратиони (первая половина XVIII в.) [Гаглойти 1969а; Тогошвили 1981; 1990: 10–45; Абаев 1990: 417–420; Чибиров 2017: 239; ср.: Малахов 2020: 36]. Совершенно ясно, что если этот вариант генеалогии был в первоначальном тексте поэмы, то она написана во второй половине XVIII в. или позже. Но если, как думают некоторые исследователи, поэма написана в XIV или XV в., то в ней не могло быть версии Вахушти. Эта версия была вписана в поэму задним числом. А вписать ее мог тот, кто сократил основной текст.

1.3.2. Так кто же был автором поэмы, и кто ее отредактировал?

Вопреки устоявшемуся мнению о полной анонимности поэмы, в цитированной выше девятой строфе четко обозначена персона автора: «[э]то написал первородный сын его (т. е. Бакатара. — Ю. Д.), Сослан же соблазнил других сказителей». Таким образом, не назвав своего имени, автор обозначил родственные отношения, связывающие его с главным героем поэмы. Но кто такие Бакатар и Сослан?

Сослан, «соблазнивший» других сказителей, это, несомненно, муж и соправитель грузинской царицы Тамары, осетинский царевич Сослан-Давид [Джанашвили 1897: 92; Галойти 2017: 30]. Бакатар же, выступающий в основной части поэмы под именем «Алгуз(он)», по всеобщему признанию, соответствует Ос-Багатару — осетинскому царю, жившему в конце XIII — начале XIV вв. [Ванеев 1989: 65, 90; Гæдиаты 1991: 498; Темурыханты 1994: 129]. Осетинское предание считает его последним царем Осетии [ППК, II: 183; Темурыханты 1994: 119; ИАА, III: 28, 29].

Учитывая сказанное, Ю. С. Гаглойти говорит, с одной стороны, об «авторстве древней части поэмы» [Гаглойти 2017: 29], признавая им первородного сына Бакатара. А с другой, делает вывод о позднейшем редактировании поэмы в XVIII или XIX в. Принимать последнюю дату за время написания всей поэмы нет никаких оснований. Правда Ю. С. Гаглойти не уточняет, что именно он считает «древней частью» поэмы.

1.3.3. На наш взгляд, к древней части поэмы можно отнести всю ее сюжетную канву, включая те части, которые были удалены «редактором». Автор же XVIII или XIX в. внес в нее, во-первых, стилистические и лексические правки, придав ей особенности грузинского языка своего времени. Во-вторых, дополнил поэму концепцией Вахушти о происхождении осетинских царей, создав противоречие с представленной тут же генеалогической

легендой, основанной на родстве с Августом. Исходя из сказанного, первого или истинного автора поэмы мы будем называть просто «автором», а перекроившего поэму «редактора» — фальсификатором.

1.3.4. Чтобы понять, мог ли быть осетинский дворянин И. Агузаты (Ялгузидзе), которому в настоящее время приписывается авторство поэмы, ее фальсификатором, следует выяснить, что означает фраза «Сослан соблазнил/обманул других сказителей».

На этот вопрос пытался ответить В. И. Абаев. Обратившись к осетинским историческим преданиям, В. И. Абаев установил, что в прошлом в Осетии существовали два конкурирующих царских рода — Цæразонтæ и Æгъуызатæ. Судя по всему, это были две ветви одного и того же рода. Честолюбивые амбиции привели их к тому, что они стали именовать себя соответственно «потомками Цезаря» (*Цæзарон > Цæразон) и «потомками Августа» (*Augustus > *Алгуст > Алгуз) [Абаев 1990: 408–422]. Следовательно, когда автор поэмы утверждает, что Алгуз — потомок «греческого» царя Августа, то имеет в виду именно эту генеалогическую легенду. По мнению В. И. Абаева, другая линия фонетической эволюции привела к развитию *Augustus > Æгъуыз, т. е. к современной осетинской форме Æгъуызатæ.

Но когда автор «Алгузиани» говорит, что Сослан «соблазнил» других сказителей, то имеет в виду попытку каких-то неизвестных нам сказителей «доказать», что правителями Осетии были представители рода Цæразонтæ, а не Æгъуызатæ. К созданию этой «ложной», по мнению автора «Алгузиани», версии и был причастен Сослан-Давид. Автор же «Алгузиани» считал, что истинными правителями Осетии были представители рода Æгъуызатæ / Алгъуызтæ, в подтверждение чего и вынес на суд читателя свою поэму [Там же: 421].

1.4.1. В эти рассуждения следует внести некоторые уточнения: в осетинском фольклоре сохранились не только сведения о двух конкурирующих родах, но и о династических спорах между ними. Обратимся к соответствующему материалу.

1.4.2. Согласно осетинским преданиям, распространенным в Северной Осетии, Ос-Багатар был сыном Цæразон'а [ИАА, III: 24, 26]. Сюда, несомненно, имеет отношение и фраза, встречающаяся в одном из осетинских преданий: *Гуырдызыйы маликк æмæ Цæразон уыдысты æмсартаæ* [ИАА, III: 24], т. е. «правитель Грузии и Царазон были на равной ноге». Это и есть та самая версия, на которой, как можно думать, основывалась идеология Сослана-Давида и его сторонников.

Уверенность в «царазоновском» происхождении Ос-Багатара в Северной Осетии была настолько велика, что осетинский поэт Хетæггаты

Дауит (1882–1964), посвятивший истории средневековой Осетии поэму «Гоцъи», прямо называл *Оси-Багъатыр*’а царзони́дом (*Цæразон*) [«Ф» 1991, № 4–5: 92]. Эту же версию можно найти в произведениях других осетинских писателей [Къубалты 1978: 234 и сл.; «МД» 2023, № 9: 105]. К роду Цæразонтæ относят его и некоторые современные историки [Бзаров 1988: 30; Кузнецов 1990: 52, 84 сл.]. В полном соответствии с этой концепцией, некоторые осетинские литературоведы даже упомянутого выше юго-осетинского дворянина Ёгъуызаты Иуане объявили принадлежащим к роду Царазоновых [Калоты 1982: 8]. Однако в Южной Осетии практически не знают Царазоновых [Ванеев 1989: 317], а Ос-Багатар, как и просветитель Иуане, неизменно ассоциируются с родом Ёгъуызатæ. Неудивительно, что другая часть осетинских литературоведов выступила с опровержением утверждений Г. Калоева [Æлборты 1985: 269; Джусойты 2012: 32].

Неожиданное продолжение рассматриваемая дискуссия получила в одной из дилетантских публикаций, вышедших к 225-летию Ёгъуызаты Иуане. В своей полемической статье Л. А. Чибиров подверг эти изыскания суровой критике [Чибиров 2017], что освобождает нас от необходимости подробного изложения «аргументов», приведенных этим автором.

В заключение к данному параграфу отметим, что североосетинский вариант генеалогии осетинских царей отражен и в Нузальской надписи, начальные строки которой гласят: «Нас было девять братьев — Чарджонидзе-Чархилановых: Ос-Багатар, Давид-Сослан, — с четырьмя царствами боровшиеся» (см. ниже). Т. е. Ос-Багатар, наряду с Сосланом-Давидом, объявлен представителем рода Цæразонтæ, колена Цъæхилтæ.

1.4.3. Однако согласно другой части осетинских преданий, Цæразон сам был сыном Ос-Багатара [ИАА, III: 24–25, 29; Калоев 1971: 47]. Как явствует из текста поэмы, а также из полного ее названия, для Царазона в генеалогии осетинских царей вообще не оказалось места. Но если в имени «Сарагон» вслед за некоторыми исследователями видеть искаженное *Цæразон* [Джанашвили 1897: 194; Ванеев 1989: 320], то последний оказывается внуком Алгуза. Таким образом, по вопросу о главенстве одного из царствующих родов налицо явное противоречие между двумя памятниками XIV века: поэмой «Алгузиани» и Нузальской надписью. Эти же противоречия отражены в осетинском фольклоре.

В то же время, в цикле осетинских преданий об эпохе *óсоба*, неразрывно связанных с именем Ос-Багатара, соратники и наследники последнего в борьбе с грузинскими феодалами неизменно именуются Ёгъуызатæ [Дзиццойты 2017: 37–51].

1.4.4. В целом мы имеем следующую картину. В фольклоре, в представлениях современных северных осетин и в Нузальской надписи

единственная царствующая династия в средневековой Осетии — это род Цæразонтæ. А в фольклоре и представлениях современных южных осетин, а также в «Алгузиани» в этой роли выступают Æгъуызатæ / Алгъуызтæ. Согласно североосетинским преданиям, Сослан-Давид принадлежал к роду Цæразонтæ. В соответствии с этими представлениями последнего осетинского царя, известного в осетинском фольклоре под именем *Ос-Бæгъатыр*, северные осетины причисляют к Царазоновым, а южные — исключительно к Агузата / Алгузта. Как видно из текста «Алгузиани», эти коллизии существовали еще при жизни Сослана-Давида, который, судя по всему, имел возможность влиять на них, пытаясь возвеличить свой род, род Цæразонтæ, на что и отреагировал первородный сын Алгуза. Иными словами, фоновый конфликт поэмы «Алгузиани» отражает династические споры, существовавшие в политической жизни Алании.

1.4.5. Пытаясь выяснить главенствующую роль одного из двух конкурирующих родов в средневековую эпоху, следует обратить внимание на то, что имя *Алгъуыз* хорошо известно как в осетинской традиции, так и за ее пределами, тогда как имя *Цæраз(он)* — исключительно в осетинской традиции. Это может свидетельствовать о ведущей роли рода Алгузта. Так, в абхазском фольклоре упоминается герой по имени «Алхуз», род которого был покровителем героев-нартов. Это имя неотделимо от имени *Алгъуыз* [Гаглойти 1969б: 63; Дзиццойты 1992: 45–46], что свидетельствует о его распространении и в Западной Алании. Кроме того, согласно Т. А. Гуриеву, имя аланского (асского) правителя Анг-ху-се / Ханг-ху-се, одним из первых перешедшего на сторону чингисидов, можно рассматривать в качестве транскрипции имени «Алгъуз» [Гуриев 1991]. Таким образом, Алгузовы как правители Алании известны и в абхазском фольклоре, и в китайских источниках.

1.4.6. Итак, вывод В. И. Абаева о династических спорах между двумя ветвями царской династии находит подтверждение как в осетинском фольклоре, так и в исторических источниках. Однако дальнейшие выводы осетинского ученого не кажутся нам столь же убедительными. Полностью игнорируя девятую строфу поэмы, в которой говорится об ее средневековом авторе, В. И. Абаев признает единственным автором поэмы Ивана Ялгузидзе, в связи с чем сведения о противоречиях между Æгъуызатæ и Цæразонтæ приписывает осетинскому фольклору конца XVIII в. [Абаев 1990: 420–421].

Какие аргументы положены в основу данной концепции? Во-первых, факт наличия в языке поэмы грузинской лексики конца XVIII в., включая русизмы. Во-вторых, наличие в тексте поэмы версии Вахушти (см. выше). Однако мы считаем, что все это дело рук фальсификатора. Убрав из текста

предысторию последнего осетинского царя, фальсификатор не забыл вписать в образовавшуюся лакуну генеалогию, придуманную Вахушти. А заодно он убрал и имя «Бахъатар», вызывавшее у грузин ассоциацию с господством осетин и похищением грузинской княжны в качестве наложницы⁴. Если бы фальсификатором был И. Ялгузидзе, то он не стал бы вписывать в поэму версию Вахушти, т. к. она признает главенствующую роль рода Цаеразонтæ: ведь именно этот род, род, к которому принадлежал Сослан-Давид, и пытался «огрузинить» Вахушти. Между тем, весь пафос поэмы направлен на утверждение обратного — на лидерство рода Алгузта. Мы полагаем, что И. Ялгузидзе не только не писал и не редактировал анализируемую поэму, но и ни разу ее не видел и даже не подозревал об ее существовании.

1.4.7. Что касается осетинского фольклора, то и тут не все однозначно. Разумеется, осетинский фольклор донес до нас сведения о ряде событий, а также нравов и обычаев средневековой эпохи, а в некоторых сказаниях Нартовского эпоса даже о событиях двухтысячелетней давности. Но ни в одном из фольклорных памятников мы не найдем такого подробного описания событий, перечисления царей и вельмож, а также их родственников, какой находим в поэме «Алгузиани». И вряд ли эти сведения содержались в осетинском фольклоре конца XVIII века. Поэтому мы отвергаем утверждение о происхождении указанных сведений из осетинского фольклора.

1.4.8. Из каких же источников автор мог черпать сведения для своего произведения? Исключительно ли из грузинских хроник и осетинского фольклора, как полагал М. Джанашвили?

Не исключено, что автор поэмы пользовался не дошедшими до нас письменными источниками, хранившимися в архиве его отца. Этот вывод вытекает из текста самой поэмы, в которой утверждается, что Алгуза во время походов сопровождали некие «атанские поэты», сочинявшие в его честь хвалебные песни [А: 140 (141)]. Согласно М. Джанашвили [1897: 140], под «атаном» следует видеть Афины. Эта догадка вписывается в хорошо известный факт наличия у алан письменности на основе греческой графики, см. об этом [Абаев 1949: 43, 270; Пигулевская 1962: 338–339; Ванеев 1959: 169; Алемань 2003: 216, 352, 502; Лубоцкий 2016; Малахов 2020: 180, 194–195]. Обратим внимание и на тот факт, что на реверсе печати аланского царя Гавриила (= Дургулель?) — греческая надпись, означающая в переводе «Гавриил, эксусиократор Алании» [Малахов 2015: 74; 2020: 249–259]. Поэтому не исключено, что услугами «атанских» поэтов пользовались аланские цари и до Бакатара. Они состояли на службе у аланских

⁴ Впрочем, наличие двух параллельных генеалогий можно объяснить и вне всякой связи с произведением Вахушти, см. ниже (3.2.11).

царей еще до монгольского нашествия и мигрировали в Закавказье вместе с царской семьей. Надо полагать, что на сведения этих источников и опирался первородный сын Бакатара, когда обещал подробно рассказать о жизни и деяниях осетинских царей. Ведь в грузинских летописях нет и десятой части того, что рассказывает о Бакатаре автор поэмы.

2. Историческое в поэме «Алгузиани»

Сказанное выше о содержании поэмы дает возможность пролить свет на вопрос об эпохе, к которой следует отнести основные события, описанные в поэме, т. е. «черкесскую» кампанию Алгуза, последовавшую за ней войну с чеченцами, нонцами и хетаджами, а затем и его «амосарскую» кампанию. Надежным ключом к решению этих вопросов является упоминание нонцев и калмухов.

2.1. Время, отраженное в основной части поэмы

2.1.1. В поэме «Алгузиани» неоднократно упоминается народ *нон* («нонцы»), а также этноним *калмухи*, т. е. «калмыки» [А: 114–117]. В одном месте встречается также составной этноним *ноны-калмухи* [А: 133]. Вдобавок ко всему нонско-калмухская страна несколько раз названа «Монголией» [А: 133, 139, 141]. По убедительному толкованию Л. Лопатинского, «[н]азвание *калмухи* здесь идентично с названием *ноны*; но, очевидно, оно относится к калмыкам, живущим в настоящее время на Сев. Кавказе» [А: 114]. Комментируя эти же факты, В. И. Абаев пишет: «Что касается термина “нон”, то это — искаженное *ноин* (*ноупу*), название областных старейшин у калмыков» [Абаев 1926: 470]. Добавим от себя, что титул *ноин* / *нойон* бытовал и у монгольских областных правителей [Дзиццойты 1992: 200–201]. Калмыцкий язык относится к монгольским языкам и, несомненно, калмыки появились на Кавказе вместе с монголами, чем и объясняется указанная связь между калмухами и нонцами.

Как отмечает В. И. Абаев, словосочетание «калмухский ноин» встречается и в грузинской литературе (впервые в 60-е гг. XVIII в.) [Абаев 1926: 473–474]. И хотя у нас нет сомнений в том, что этнонимы *нон* и *калмух* указывают на монгольских завоевателей, приведем еще один аргумент в пользу этого вывода. Описывая внешний вид нонцев, автор «Алгузиани» говорит: «глаза тарацили красноватые, носов у них не видно было и глаз» [А: 104 (105)]. Совершенно ясно, что автор описывает здесь монголоидов.

Добавим также, что в осетинском фольклоре нет упоминаний о монголах, а все, что связано с монгольскими завоеваниями, осетинский фольклор приписывает ногайцам (ногъай) и/или калмыкам (хъалмухъ), которых

возглавляет «татарский» (тәтәр) правитель Ахсахь-Темур [ИАС, I: 555], т. е. Тамерлан.

Сказанное однозначно указывает на монгольское время как на эпоху, отраженную в основной части поэмы. Догадку М. Джанашвили, относившего время жизни Алгуза к первой половине 8 века [Джанашвили 1897: 192; принято: Темурыханты 1994: 114], следует отклонить.

2.1.2. Монгольское влияние сказалось и на ономастике поэмы. Тестя Алгуза автор называет то «Кесарь-ханом (*Къесар хани*)» [А: 94, 96, 98], то *мене хани* ‘царь-хан’ [А: 94]. Точно так же Алгуз называет себя то «царь, сын царя (*мене вар, менис швили*)» [А: 102 (103)], то ханом: *ме вар хани* ‘я хан’ [А: 108 (109)]. В первой части имени *Кесарь-хан* скрывается латинское *Caesar*, откуда идут также готское *Kaisar*, древнерусское *цѣсарь* «византийский император» и пр. [Фасмер, IV: 290–291]. Именно в этом значении использовано имя Цезаря и в анализируемой поэме. Что касается компонента *-хан*, то он встречается и в современном осетинском антропонимиконе, представляя собой «титул тюркских и монгольских правителей» [Абаев 1989: 140]. В данном случае, на наш взгляд, резоннее говорить о монгольском влиянии, т. к. соответствующий тюркский термин отложился в осет. языке в виде *хъан* [Абаев 1973: 262]. Хотя компонент *-хан* в аланском женском имени *Бурдухан* зафиксирован для XII в. [Андроникашвили 1966: 133].

2.1.3. Любопытно, что царский дворец нонского правителя, захваченный Алгузом, представляет собой *чардахи* ‘чердак; паланкин; дворец’. Вместе с ним Алгузу достались «дома, дворы, построенные башни», «алого цвета шатры» и пр. А «перед ними [расстиралось] прекрасное поле» и холмы, на которых «цветут гряды фиалок, роз, нарцисс, лилий» [А: 134 (135)]. Все это напоминает татарский стан, а поскольку речь идет о Северном Кавказе, не исключено, что имеется в виду стан возле столицы Алании, Деякова, который так и назывался — *Тәтәртупп* «Татарский стан/Стоянка татар».

Любопытная деталь: покорив Чечню, Алгуз обложил ее данью. А покорив следом за ней столицу «Монголии», Алгуз объявил об освобождении народа от дани на три года. И еще одна важная деталь. Алгуз покорил и Чечню, и Амосар, и Горанду, и в каждую из этих стран назначил в качестве правителя одного из своих наместников, или визирей. Однако, покорив «Монголию», он сам воссел на трон, принял скипетр и корону, а также приказал пригласить в царский дворец «царицу, мою Этерь» [А: 138 (139)]. При этом Алгуз только «монгольский» дворец называл *чеми сахли* «мой дворец» [А: 146 (147)], а «монгольский» трон — *чеми тъахтъи* «мой престол» [А: 144 (145)]. Правда, вскоре после воцарения он и «Монголию»

передал под управление своего визиря Улдана [А: 140 (141)]. Но в других странах он не принимал короны правителя и их трон не считал своим. В чем же разница между «Монголией» и остальными покоренными странами?

Очевидно, не «Черкесия», не Чеченя и не хетаджи были главной целью Алгуза на Северном Кавказе, когда он задумывал поход против них. Его главной целью была ставка нонского правителя, рядом с которой, как мы полагаем, находилась столица Алании. Ведь о завоевании «монгольского трона» «атанские» певцы говорят как о прибытии царя Алгузона «в свой столичный город» [А: 140 (141)]. Напомним, что Алгуз побывал в «столицах» и других завоеванных стран: Чечни и Амосара. Но ни об одной из них автор поэмы ни разу не говорит как о «своем» для Алгуза городе. И только «монгольский» город, в котором располагалась ставка нонского правителя, город, который почему-то локализован в Черкесии, автор называет «стольным градом» Алгуза.

Учитывая сведения «Жамтаагъмцѣрели» [АГ: 54], мы можем предположить, что это тот самый город, в котором Алгуз/Бакатар родился, и который он вынужден был покинуть еще в младенчестве. Город, в борьбе за который, очевидно, отдал свою жизнь его отец (среди мигрантов в Грузию «Жамтаагъмцѣрели» называет малолетних царевичей Пареджана и Бакатара, их мать Лимачав, но не царя, который, надо полагать, погиб в войне 1263 г.). Судя по всему, Алгуз с детства мечтал вернуть себе столицу Алании. Из русских летописей нам известно название этого города — «Дедяков». Таким образом, захватив трон «Монголии», Алгуз вернул себе то, что по праву принадлежало его царскому роду — столицу Алании.

2.1.4. В осетинском фольклоре известно историческое предание, согласно которому осетины (ирæ), дигорцы (дигорæ), кабардинцы (касаг) и чеченцы (цецен) избавились от господства ногайцев и татар (тæтæр), разгромив их под Джулатской крепостью (Дзулати мæсуг) и навсегда изгнав из Арджинарага (Æргиунгæг) [ИАС, I: 555]. В этом предании можно видеть реминисценцию тех событий, о которых так подробно рассказано в «Алгузиани».

Отзвук этих же событий находим в другом осетинском предании, утверждающем, что ногайцы и калмыки пришли в Осетию вместе с Ахъсахъ-Темур'ом, причем, калмыки заняли территорию по ту сторону Терека, а ногайцы — всю остальную, вплоть до предгорной зоны современной Осетии. Однако осетинам удалось отеснить их в Арджинараг [ИАС, I: 556]. Показательно, что правители ногайцев и калмыков в этом предании также зовутся ханами: *Ногъай хан* и *Хъалмухъи хан* (Там же).

2.1.5. В цитированных преданиях встречаются географические названия, позволяющие локализовать столицу Алании. Татары (калмыки и

ногайцы) в одном случае оттеснены в Арджинараг, а в другом — изгнаны из Арджинарага. Изгнав татар из Арджинарага, осетины навсегда избавились от их господства. Почему Арджинараг играет в этих преданиях столь важную роль?

В двух своих работах мы пытались показать справедливость неоднократно высказывавшейся гипотезы о столичном статусе Деякова и об его локализации именно в Арджинараге, недалеко от «крепости Дзилат» [Дзиц-цойты 2022; 2023]. Анализируемая поэма подтверждает этот вывод.

2.1.6. Бои с черкесами, а затем и прибывшими им на помощь хетаджамми и нонцами проходили возле «Черной горы» (Шави мта) [А: 112 (113)]. Союзник нонцев — правитель чеченцев (чечент мтавари) — напал на Алгуза в этом же районе, «обступив горные высоты» [А: 118 (119)]. Разгромив своих противников возле «Черной горы», Алгуз с войском отправился в Чечню на похороны убитого им правителя. А уже оттуда направился к ставке нонского царя [А: 132 (133)]. Нонцы вышли ему навстречу с подношениями, т. к. «страну нонско-калмухскую Алгуз покорил своей рукой, Всю Монголию с их городом он захватил своим словом» [Там же]. Именно в городе нонцев Алгуза отвели в царский дворец и посадили на трон [А: 136 (137)–138 (139)].

Обращают на себя внимание слова автора о том, что нонцев и калмухов, и, разумеется, их союзников, Алгуз покорил силой оружия, а столицу — силой своего слова. Эти слова можно понимать в том смысле, что в городе все еще оставалось осетинское население, к которому и обратился Алгуз с речью (возможно, через своего посла), и которое с воодушевлением выступило на его стороне.

2.1.7. Для окончательного решения вопроса о местонахождении ставки нонцев и, соответственно, стольного града Алгуза следует выяснить местонахождение «Черной горы».

Вполне вероятно, что речь идет о горе *Саухох* «Черная гора» в Северной Осетии, находящейся к северу от горы Джимара недалеко от Дарьяльского ущелья. Дороги, ведущие к этой горе, связывают ее с двумя стратегически важными ущельями — Дарьяльским и Куртатинским. Думается, что Алгуз пытался прорваться к Дарьяльскому ущелью, открывавшему для него путь на равнину⁵.

То, что столица алан названа также «городом нонцев» (*нонис калаки*) [А: 150 (151)] вполне понятно: она в тот период находилась под монгольской

⁵ Необходимо отметить, что «Дзегли эристава» (нач. XV в.) описывает военную активность осетин во главе с Пареджаном и Бакатаром, а также их военачальниками Сунгу и Асмаджаном в районе ущелья Мна (АГ: 64–65), дороги из которого ведут, с одной стороны, к Дарьялу, а с другой — к горе Саухох.

оккупацией. Ведь и население Алании монгольского периода автором Устюжской летописи названо «ясы тотарския», см. [Малахов 2020: 339]. Но почему страна алан называется еще и «Черкесией»?

2.2.1. Обратим внимание на то, что Алгуз напал на «Черкесию» сразу после того, как перешел через Главный Кавказский хребет. Стало быть, «Черкесия» — это Алания.

Об изменениях на этнической карте Алании в период монгольского нашествия Вахушти сообщает следующее: «После похода Чингис-хана Ботхакан разбил (осетин) и опустошил (страну их), осетины же ушли внутрь Кавказа <...> После же опустошения Овсети и вступления их (осетин) внутрь Кавказа, стали называться — Овсети Черкесией, или Кабардо, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда (осетин) — Овсетией» [Вахушти 1904: 138]. Таким образом, согласно Вахушти, разгром Алании начался при Чингисхане (ок.1155–1227 гг.), а был завершен при хане Батые (1208–1255 гг.). Однако, как мы видели выше, представители царской династии покинули Аланию только в 1263 г. В любом случае Вахушти сообщает крайне важные сведения: 1) разгромленная Алания (Осетия) стала именоваться Черкесией, 2) а осетины в массовом количестве выселились в горы Кавказа.

Опираясь на эти и некоторые другие сведения, З. Н. Ванеев писал, что между XIII и XIV вв. под давлением Кабарды аланы ушли в горы [Ванеев 1959: 38, 92; Ванеев 1989: 396–397]. Л. И. Лавров относил начало этого процесса ко второй половине XIII в. [Лавров 1956: 26, 27]. Таким образом, в «Алгузиани» описана история войны Алгуза/Бакатара за освобождение своей родины от монгольских захватчиков.

2.2.2. В свете сказанного следует оценивать и сведения других источников монгольского времени. «По свидетельствам Рукнеддина Бейбарса и Эннувейри (начало XIV в.), в конце XIII в. татаро-монголы держали в стране Асов корпус численностью 10 тыс. воинов <...> Монгольский тумен дислоцировался в Осетии для контроля прохода через Дарьял и усмирения местного населения» [Кузнецов 1992: 339]. Поэма «Алгузиани» позволяет подтвердить и дополнить эти сведения. Во-первых, мы узнаём, что борьбу местного населения возглавил царь Бакатар. Во-вторых, ему удалось привлечь на свою сторону какую-то часть черкесов. В-третьих, какая-то часть местного населения, а именно хетаджи и чеченцы, выступила на стороне монголов.

2.2.3. Конфликт Ос-Багатара с черкесами оставил след и в исторических преданиях кабардинцев. Ш. Ногма сообщал о вражде между кабардинским князем Иналом и осетинским князем Осдемиром. Последний сначала победил неких кегахов, «но когда пришел сам Инал, он убежал в

Абхазию. Осдемир в этой войне и погиб» [Пфаф 1871: 72]. Несмотря на явный анахронизм (князь Инал жил в XV в.), В. Б. Пфаф счел возможным отождествить Осдемира с Ос-Багатаром [Там же], что представляется нам вполне приемлемым. Эти же события нашли отражение в осетинских преданиях, записанных Б. А. Алборовым. Однако в них представлена прямо противоположная оценка событий: раньше в Туальском и Куртатинском ущельях, а также в Дигории, жили греки, а потом кабардинцы, которые ушли с приходом Ос-Багатара [Алборов 1963: 21–22].

В этой части осетинское предание созвучно с «Алгузиани»: упоминающиеся в преданиях кабардинцы соответствуют черкесам поэмы [Темырханты 1994: 120]. Однако в поэме представлены и такие сведения, которых нет в преданиях: после завоевания «Черкесии», черкесы становятся союзниками Бакатара.

2.3.1. Но почему Алгуз/Бакатар начал свой победоносный поход с территории Южного Кавказа? Ответ на этот вопрос дают «Жамтаагъмцъерели» и осетинский фольклор, рассказывающие о захвате Бакатаром территории Картли. Алгуз напал на «Черкесию» с юга не потому, что перед этим был в Сирии, а потому, что волею судьбы вся его семья, как и большинство народа, оказался в Закавказье. Там он, объединив осетин, сначала захватил Картли, а затем предпринял освободительный поход против монголов на Северном Кавказе [Темырханты 1994: 129].

2.3.2. В том, что события разворачивались в такой последовательности, убеждает следующее. Слава о Бакатаре разошлась по всей Осетии и Грузии под его титулом *бахъатæр* ‘богатырь’. В грузинской среде этот титул превратился в имя собственное: *Оси-Бахъатари* (в Нузальской надписи), *Бахъатари оси* (в «Жамтаагъмцъерели»). В «Алгузиани» это имя в такой форме не встречается, но там оно развернуто в целое предложение: «у овсов был царь <...> [е]го называли Бакатаром (сахелс удебден Бахъатрад)» [А: 92]. Форма *Ос-Багъатыр*, господствующая в языке осетинского фольклора, указывает на обратное заимствование из грузинского языка [Абаев 1973: 231]. Из осетинского это имя проникло в кабардинский, где приняло вид «Осдемир».

Почему осетины восприняли грузинское прозвище своего национального героя, а не сохранили исконное? Именно потому, что Бакатар сначала завоевал часть Грузии, и благодаря этому прославился на всю Осетию как «осетинский богатырь», и уже с этим громким именем приступил к войне с монголами. Если бы события разворачивались в обратной последовательности, фольклорная традиция и письменные источники донесли бы до нас истинное имя Бакатара.

Об этом же свидетельствует дошедшая до нас часть поэмы: Алгуз назначил правителем Горанды (= Картли) своего военачальника. Это было бы

невозможно, если бы он не завоевал Горанду. Однако глава, посвященная этому событию, была удалена из поэмы.

2.3.3. Установив историческую канву поэмы, можно перейти к выяснению некоторых частных вопросов. Например, к вопросу о том, кто такие хетаджи, выступившие на стороне нонцев и основательно потрепавшие войско Алгуза? Л. Лопатинский высказал догадку о том, что хетаджи, как и осетинские *Хетæггæтæ* ‘Хетагуровы’, «может быть, остатки колонии народа ванских клинообразных надписей — хеттеев» [А: 106]. М. Джанашвили также связывает хетаджей с осетинским антропонимом *Хетæг* [Джанашвили 1895: 22]. Эти же хетаджи в упомянутом кабардинском предании выступают под искаженным названием «кегах». Кроме того, Вахушти упоминает в Дарьяльском ущелье поселение *Хетадзе* [Вахушти 1904: 150], название которого также связывают с фамилией *Хетæггæтæ* [Гаглойти 2008: 21].

Если перечисленные названия действительно связаны между собой, то в хетаджах нельзя видеть ни хеттов, ни черкесов. Осет. антропоним *Хетæг* имеет надежную иранскую этимологию [Дзиццойты 2020: 235 и сл.], указывающую на то, что первоначально это было названием служителей культа огня у алан. Они вступили в конфликт с царской властью еще до монгольского нашествия — в период крещения Алании в X в. Таким образом, в хетаджах поэмы соблазнительно видеть остатки равнинных алан, подчинившихся монголам. Говоря о причинах катастрофы Алании, В. А. Кузнецов особо отметил и такой фактор, как «предательство многих крупных аланских феодалов, поступившихся национальными интересами ради сохранения своих классовых позиций и переметнувшихся в стан врага» [Кузнецов 1992: 335]. В связи с этим обратим внимание на следующие слова Алгуза, брошенные в адрес двух побежденных им хетаджей: «Вы проклятые, злые враги, то вы наши, то чужие <...> Как вы осмелились бороться со мною!» [А: 110 (111)].

Эту фразу можно понимать в том смысле, что раньше хетаджи были «своими», но потом стали «чужими». Своими они могли быть, очевидно, до монгольского нашествия. Последняя часть разбираемой фразы может указывать на то, что Алгуз считал их своими подданными и был уверен, что они никогда не выступят против своего царя. Если сказанное верно, то «хетадж» — собирательный образ осетин, выступивших на стороне монголов.

2.4.1. О границах Алании. Сохранились сведения также и о границах «Черкесии» (= Алании), завоеванной Алгузом/Бакатаром.

Во время войны с Амосаром (см. ниже) царь этой страны вступил на землю царя Алгуза, направив свое войско по морю [А: 150 (151)]. Бой

между Алгузом и царем Амосара состоялся где-то на равнине [А: 154 (155)], очевидно, на берегу Черного моря [А: 164 (165)]. Значит, речь идет о какой-то аланской провинции на берегу этого моря, а не о Западной Алании (территории современной Карачаево-Черкесии). Если бы царю Амосара (т. е. Абхазии) нужно было напасть на Западную Аланию, он вполне мог воспользоваться перевальными дорогами через Главный Кавказский хребет.

2.4.2. С другой стороны, автор называет Алгуза/Бакатара царем гор и равнин от «Эльбруса, Кавказа и окружающих (= окружающих) его стран» [А: 184 (185)]. Перед нами описание территории Алании: горы Эльбрус и Кавказ (= гора Казбек), — это главные горные вершины Алании, а «страны», окружающие их, — это земли, прилегающие к этим горам. О покорении «Кавказа» как об одной из главных заслуг Бакатара говорится и в Нузальской надписи (см. ниже). Утверждение о том, что границы Осетии при Ос-Багатаре простирались от Картлийской равнины до берегов Дона [Темырханты 1994: 125] не соответствует действительности.

2.4.3. Анализируемая поэма дает ответ и на дискуссионный вопрос о наличии у алан государства. Не вдаваясь в подробное обсуждение данного вопроса, позволим себе привести мнение исследователей о типичном устройстве средневекового государства: «то или иное государство предстаёт разделенным на три зоны: столицу, провинцию, колонии» [Бродель 1992: 39]. Такая же структура прослеживается в описании аланского государства в рассматриваемой поэме: стольный град, основная территория, названная «Черкесией», и колонии. Под колониями мы имеем в виду не только приморский эксклав, на который напал царь Амосара, но и Чечню, Горанду и Амосар, покоренные Алгузом. Алгуз назначил в эти страны своих наместников и собирал с них дань.

Что касается формы правления, то это, скорее всего, наследственная монархия, опирающаяся на авторитет и силу знати («визирей») и войска. Политическая и военная элита исповедовала христианство, а при дворе находились греческие писцы.

2.4.4. Помимо вассально зависимых стран, в поэме перечислены народы, покоренные Алгузом. В надгробной эпитафии Алгуза, в частности, говорится: «я царь амосарский, <...> самодержец Миланкарии, повелитель великий овсов, черкесов, чеченцев, кистин, нонского двора» [А: 184 (185)]. В этом тексте обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, неясно, когда именно Алгуз стал самодержцем Миланкарии, и что это за страна. Во-вторых, неясно, каким образом Алгуз стал повелителем кистин, т. е. ингушей. Очевидно, кисты принимали участие в войне чеченцев против Алгуза. Поэтому покорение чеченцев означало одновременно и покорение кистин. Труднее ответить на первый вопрос.

М. Джанашвили полагал, что Миланкария — это реминисценция о меланхленах, упоминаемых Геродотом [Джанашвили 1897: 160]. Это априори маловероятно: выше мы видели, что автор стремился правдиво описать события, «не меняя» фактов. Для чего же ему понадобилось наряду с реально существующими кавказскими народами, а также реальными поработителями «нонцами-монголами», говорить еще и о давно исчезнувшем народе?

Конечно, какая-то часть меланхленов могла проживать на Кавказе, возможно, в районе Абхазии [Куклина 1985: 96–98]. Но они на своем языке называли себя, скорее всего, **sawdārāta* ‘носящие черное’, что и было калькировано на греческий язык [Абаев 1949: 184]. Но в таком случае название «Миланкар» было бы книжным заимствованием.

Исходя из географического описания в самой поэме, под Миланкаром следует видеть, скорее всего, Мегрелию. Хотя и в этом случае остается загадкой, когда именно эта закавказская «страна» была покорена Алгузом. Но, возможно, до нас не дошли еще какие-то части поэмы.

Любопытно также, что в анализируемом списке народов нет упоминаний ни о карачаевцах, ни о балкарцах. Очевидно, это свидетельствует о том, что в XIII–XIV вв. их еще не было на территории исторической Алании.

2.5. Амосар и Горанда.

2.5.1. Сразу после восшествия на трон в «стольный город» к Алгузу явился некий юноша, бежавший от амосарского царя, просить у него помощи [А: 143, 145]. Звали его Аслан Гамрекъели. Но перед этим Гамрекъели обосновался в городе «Горанда», расположенном за хребтом, отделяющим Амосар от Горанды. Аслан хорошо укрепился в Горанде, однако царь Амосара подослал к нему убийц — его родных братьев, что и заставило его бежать к Алгузу [А: 147 и сл.].

Покровительство Аслану привело к вооруженному конфликту между Алгузом и царем Амосара. В разгоревшейся войне Алгуз убил царя Амосара, назначив на его место его вдову, предусмотрительно оставив ей в качестве помощника своего брата Куртагона.

Какой народ или какая страна скрываются под названиями *Амосар* и *Горанда*? В исторических хрониках, в фольклоре и современной географической номенклатуре кавказских народов таких названий нет. Судя по описаниям в поэме, обе страны находятся в Закавказье, причем на смежных территориях. При этом у амосарского царя есть свой флот [А: 150 (151)]. Исходя из сказанного, а также из созвучия топонима «Амосар» с древнегрузинским названием Абхазии — *Ансап*, М. Джанашвили высказал предположение о тождестве страны «Амосар» средневековой Абхазии [Джанашвили 1897: 193].

2.5.2. Следовательно, под «Горандой», правителем которой был назначен Аслан Гамрекѣли [А: 170 (171)], скрывается Картлийское царство, а не чеченский аул Варанда, как полагал М. Джанашвили [1897: 195]. Но на каком основании Алгуз назначил своего военачальника правителем соседней страны?

Выше мы предположили, что из «Алгузиани» были удалены страницы, посвященные покорению Картли. Но эти сведения сохранились, во-первых, в грузинских хрониках («Жамтаагъмцѣрели» и «Дзегли эриставта»), а во-вторых, в осетинском фольклоре. Сам факт того, что Алгуз назначил Гамрекѣли правителем Горанды, свидетельствует о том, что и автор поэмы считал Алгуза хозяином этого царства. В этом смысле Гамрекѣли выполнял ту же роль, что и другие визири Алгуза, назначенные в Чеченю, «Монголию» и Амосар.

2.5.3. Не исключено, что название «Горанда» состоит из грузинского ойконима *Гори*, и осетинского апеллятива *æндаæ* ‘снаружи, вне’. Общее значение сложения — «окрестности Гори», а точнее — «Гори и его окрестности». Это название соответствует исторической провинции Грузии — Картли. Таким образом, перед нами очередной синхронизм: трехсторонние сведения о захвате одной и той же провинции: Гори и Дзамской крепости («Жамтаагъмцѣрели»), Горанды («Алгузиани») и территории Грузии от Сурамского хребта до Мцхеты (осетинское предание).

2.6.1. Четыре страны, покоренные Бакатаром. Покорив монголов (нонцев-калмухов), Алгуз воссел на трон и на его голову надели «корону четырех народов» [А: 138 (139)]. Однако, согласно тексту поэмы, Алгуз покорил больше народов. Это при том, что Алгуз считал себя, в первую очередь, повелителем осетин. К этому следует добавить, что в другой эпитафии царя Бакатара, известной в науке как «Нузальская надпись», также упоминаются четыре страны, с которыми боролся Бакатар: «Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся ...» [Лолашвили 1971: 37–38]. При этом в Нузальской надписи не приводятся названия этих четырех стран.

Встает вопрос: идет ли речь в обеих эпитафиях об одних и тех же четырех народах (или четырех странах)?

Судя по тексту поэмы, Бакатар боролся с монголами, черкесами и чеченцами на Северном Кавказе, а также с Амосаром и Горандой в Закавказье. О покорении Миланкара, повелителем которого он стал, сведений не сохранилось.

2.6.2. Любопытно, что и в осетинских преданиях говорится о борьбе Ос-Багатара с несколькими царствами и народами [Дзицойты 2019: 215–216]. С одной стороны, ему приписывают покорение Грузии от

Сурамского хребта до Мцхеты [ИАА, III: 23], а с другой — разгром «татар» и дагестанцев (лекъ), напавших на Грузию [Там же: 22]. Территория от Сурамского хребта до Мцхеты соответствует исторической провинции Картли. Под татарами, несомненно, имеются в виду монголы. А под дагестанцами следует видеть чеченцев поэмы: в осетинском фольклоре замена могла произойти в XVII–XVIII вв., когда Грузия подверглась засилью дагестанских феодалов.

2.6.3. Перекрестное сопоставление упомянутых трех памятников приводит к убеждению, что под четырьмя народами, повелителем которых считал себя Алгуз, имеются в виду исключительно народы, исконно проживавшие или поселившиеся в монгольское время на территории Алании: осетины, черкесы, чеченцы и нонцы-монголы. Что касается покоренных стран — Амосара, Горанды и, возможно, Миланкара, то они рассматривались исключительно в качестве вассалов, которыми управляли наместники Алгуза.

3. Царь Бакатар и его окружение

3.1.1. Время жизни Бакатара мы определили выше. Дело в том, что история последнего царя Осетии неплохо описана в грузинской хронике «Жамтаагъмцъерели», см. [Дзиццойты 2019]. Согласно этому памятнику, после поражения ильханов в войне с Золотой ордой в 1263 г., осетинская царица Лимачав, вместе с двумя малолетними сыновьями и знатью бежала в Грузию [АГ: 54 и сл.]. Бакатар был младшим из ее сыновей. А спустя тридцать лет, в 1292 г., Бакатар, объединив закавказских осетин, захватил крепость Гори с прилегающей территорией, а также Дзамское ущелье (Триалети). Он удерживал эту крепость вплоть до 1320 г., после чего был изгнан, а спустя еще какое-то время, умер. Следовательно, в момент захвата Горийской крепости Бакатару было тридцать с лишним лет. А в момент его ухода из этой крепости — около 60-ти. Показательно, что во время «черкесской» кампании, начавшейся после захвата Горийской крепости, жена убитого Алгузом правителя Чечни обращается к нему с такими словами: «[с]тарейший из славнейших, глава всех царей...» [А: 124 (125)]. Т. е. в пору своего могущества и освобождения своей страны Алгуз был скорее пожилым, нежели молодым.

3.2.1. Сыновья и братья Бакатара. «Жамтаагъмцъерели» не сообщает о детях Бакатара. Однако в «Алгузиани» и в осетинском фольклоре такие сведения сохранились. Глухой отзвук этих сведений можно видеть и в Нузальской надписи. Поскольку, однако, сведения этих памятников разнятся, нам предстоит провести их сопоставительный анализ.

Начнем с осетинского предания, утверждающего, что у Бакатара было много детей. М. Джанашвили со ссылкой на осетинское предание [ССКГ, V: 58], сообщает, что у Бакатара «было 7 или 9 сыновей: Сидамон, Царазон, Куссагон (Куртагон поэмы?), Чахил (Чархило поэмы), Тетло (все они от законной жены) и Агуз (Алгуз поэмы?) от наложницы» [Джанашвили 1895: 21]. В вариантах рассматриваемого предания, подробно проанализированных З. Н. Ваневым [1989: 315–332], говорится о пяти сыновьях Ос-Багатара: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. Согласно варианту, записанному уже после появления работы Ванеева, Ос-Багъатыр похитил дочь грузинского князя (æлдар), от которой у него родились сыновья Сидæмон и Цæразон. Однако, спустя годы, грузинам удалось вернуть свою дочь, а Ос-Багъатыр был вынужден жениться повторно. От второго брака родились три сына: Цъæхил, Хъусагга и (имя третьего брата информант забыл) [«МД» 1997, № 5: 104]. В предании, записанном в Южной Осетии (Кударское ущелье), говорится: *Ос-Багъатыраен уыд дыууæ усы. Дыгурон усæй йын уыд æвд фыртты. Уыдонæй сæ иу — Цъæхил...*, т. е. «У Ос-Багатара было две жены. От жены-дигорки у него родилось семеро сыновей. Одного из них (звали) Цахил» [газета «Советон Ирыстон», № 51 за 1970 г.].

Общим для осетинских преданий является следующее: 1) у Ос-Багатара две жены, одна из которых законная, а вторая — наложница. 2) он многодетен, причем имена трех сыновей повторяются практически во всех вариантах, это Цæразон, Хъусагон (или Къусагон) и Сидæмон. Имя Цъæхил представлено в большинстве вариантов, и оно же встречается в поэме в качестве имени единственного сына и наследника Бакатара. Но самое пикантное обстоятельство заключается в том, что родоначальник Агузовых родился от жены-наложницы. В традиционной Осетии это означало только одно — Æгъуыз (Алгъуыз) был бесправен, а потому не мог быть царем. Очевидно, этот вариант появился в той среде, для которой главенствующая роль Цæразонтæ неоспорима.

Можно ли предположить, что в бесправном положении Алгуза заключалась одна из граней конфликта между Æгъуызатæ и Цæразонтæ? Вряд ли. Во-первых, мы видели, что династические споры между двумя ветвями царского рода существовали уже при Сослане-Давиде, т. е. в XII в. Потомство же Ос-Багатара появилось только в конце XIII — начале XIV в. Во-вторых, существуют варианты осетинского предания, согласно которым сыном от наложницы был не Агуз, а Тидла [Бзаров 1988: 24, 26].

3.2.2. Анализ имен «сыновей» Бакатара показывает, что скрывающиеся за ними персонажи в действительности не имеют к нему отношения.

Выше мы видели, что осетинское предание упоминает сына Бакатара от жены-наложницы по имени *Æгъуыз*. М. Джанашвили был первым, кто сопоставил это имя с именем *Алгъуз* поэмы [Джанашвили 1895: 21; 1897: 194]. В настоящее время это сопоставление является общепринятым [Абаев 1990: 410; Вансеев 1989: 319; Цховребова 2007: 47–48; Чибиров 2017: 238, 245].

В современном осетинском языке господствует форма *Æгъуыз*, представленная и в топонимии Северной Осетии [Цагаева 1975: 145]. Но в языке фольклора изредка встречается и переходная форма *Æлгъуыз* [ИАС, II: 330]. Но *Алгъуз* в поэме — имя первого осетинского царя, сына Августа. Т. е. он не мог быть сыном Бакатара.

3.2.3. Имя *Цъæхил* / *Чъахилон* представлено и в поэме, и в осетинском предании, и в Нузальской надписи. В первых двух памятниках *Цъæхил* считается сыном Алгуза/Бакатара (см. выше). А в Нузальской надписи *Чъархилани* — один из предков самого Ос-Багатара. Среди осетинских преданий существует вариант, согласно которому *Æгъуыз* и *Цъæхил*, а также *Сидæмон*, *Цæразон* и *Хъусæг* — родные братья [ИАА, III: 119]. С другой стороны, в осетинском предании утверждается, что *Цъæхил* был приемышем (*æркæнæггаг*), которого подарили *Хъусæг*’у [ИАА, III: 52]. А еще один вариант сообщает, что *Цъæхил* и *Цæразон* вместе с потомством считались единым целым (*иу нымæд удыдысты æд цæуæт*) [ИАА, III: 26].

Несомненно, эта путаница возникла в аланское время. Важно подчеркнуть, что книга, посвященная *Цахилу*, до нас не дошла. Тем не менее, именно этому персонажу автор поэмы отводит место политического наследника Алгуза. Это заставляет нас пристальнее присмотреться к упоминаниям о нем.

Прежде всего, неясно, почему имя *Цъæхил* представлено в поэме в разных формах: *Чъархило* [А: 172], *Чъархил* [А: 180] и *Чъархилан* [А: 180, 182, 188]. А в заглавии ко всем книгам, известном нам только из послесловия М. Джанашвили, это же имя представлено в форме *Чъахилони* [Джанашвили 1897: 190]. В Нузальской надписи это имя представлено в форме *Чъархилани* [Лолашвили 1971: 37]. В чем причина этих расхождений?

В форме *Чъархило* мы видим опisku *вм. Чъархилон*. Формы на *-ани* указывают на грузинское влияние. На это же указывает появление *-р-* в большинстве форм. Дело в том, что, по представлениям осетин, имя *Цъæхил* происходит от сочетания *Цъæх+хил* «седовласый». Очевидно, именно так воспринималось это имя и в аланскую эпоху, что могло привести к контаминации с грузинским словом *чъармаги* ‘седой, бодрый старик’, откуда и проникло *-р-* в рассматриваемое имя. Если так, то исходная форма сохранилась в осетинском фольклоре и в заглавии всей поэмы.

3.2.4. Имена Сидæмон и Цæразон, приписываемые осетинским фольклором «сыновьям» Ос-Багатара, также не имеют к нему отношения.

«Дзегли эриставта» (нач. XV в.), описывая конфликт в царском доме Осетии, разгоревшийся во времена царя Юстиниана, т. е. в VI или IX веке н. э., говорит о бегстве младших царевичей в Южную Осетию. Там их потомки до сих пор именуются Сидæмонтæ. «Следовательно, немыслимо, чтобы Сидамонцы могли происходить от Ос-Багатара, жившего в начале XIV века» [Ванеев 1989: 326].

Автор «Алгузиани» считает Сидамона не сыном, а одним из двух братьев Алгуза [А: 172 (173)]. Второго брата звали «Куртагон» (Qurtagon) [А: 170 (171)]. Между тем, согласно «Жамтаагъмцъерели», у Бакатара был всего один брат по имени Пареджан. Пареджан, наряду с Багатаром, а также некими Сунгу и Асмаджаном, упомянут и в «Дзегли эриставта» в качестве «военачальников» осетин ущелья Мна [АГ: 65].

Вопреки догадке М. Джанашвили имя «Куртагон» поэмы не может соответствовать имени «Куссагон» осетинского предания [Джанашвили 1895: 21; принято: Ванеев 1989: 320]. Имя «Куртагон» можно было бы сопоставить с эпонимом фамилии *Куырттатæ* — отца-основателя Куртатинского общества в Северной Осетии. Но различие начальных смычных делает эту догадку маловероятной. В любом случае, осетинское предание грешит против истины, называя Сидамона сыном Ос-Багатара.

Утверждение же автора поэмы о том, что Бакатар/Алгуз и Сидамон с Куртагоном — братья, не следует понимать в буквальном смысле. Скорее всего, они были братьями-«æрвадæлтæ», т. е. двоюродными или троюродными братьями, или братьями в рамках большого родового объединения, состоявшего из нескольких самостоятельных родов, имеющих общего предка. В этом же контексте следует рассматривать первую строку Нузальской надписи: «Нас было девять братьев» (см. ниже).

3.2.5. Цæразон также не мог быть сыном Бакатара, т. к. Сослан-Давид, живший за сто лет до рождения Бакатара, был представителем фамилии Цæразонтæ. Следовательно отец-основатель этого рода жил не только до рождения Ос-Багатара (XIII в.), но и до рождения Сослана-Давида (XII в.).

3.2.6. Учитывая эти несоответствия, можно поставить под сомнение и отцовство Ос-Багатара в отношении других «сыновей», приписываемых ему осетинской традицией. Дело в том, что в осетинских преданиях четко прослеживается тенденция связать происхождение всех осетин (кроме дигорцев) с Ос-Багатаром. З. Н. Ванеев так отозвался об этой тенденции: «Относить происхождение всех осетин к какому-нибудь из “царей” Осетии — представление, явно лишённое логического смысла, ибо осетины суще-

ствовавали раньше, чем появился у них вождь под названием “Ос-Багатар”» [Ванеев 1989: 316]. Но почему народное предание связывало родоначальников перечисленных фамильных объединений с Ос-Багатаром и почему осетины верили в подлинность этого предания?

В одном из своих исследований В. И. Абаев показал, что функциональная характеристика трех братьев осетинского предания соответствует индоевропейской трифункциональной схеме: Къусæг / Хъусæг соответствует первой, умственной, функции, Алгъуыз / Æгъуыза — второй, военной, а Сидæмон — третьей, хозяйственной [Абаев 1979: 103]. Подтвердив эти наблюдения, Ж. Дюмезиль установил, что осетинский фольклор в данном случае продолжил скифскую традицию, в фольклоре которых первый земной человек, Таргитая, имел трех сыновей, наделенных теми же функциональными характеристиками. От них-то и произошел весь скифский народ [Дюмезиль 2019: 125–130]. Т. е. Ос-Багатар в осетинском предании занял место скифского Таргитая, а его сыновья — место сыновей Таргитая. Иными словами, унаследовав скифскую фольклорную схему, осетины поменяли имена как самого Таргитая, так и его сыновей. Следовательно, в осетинском предании нельзя искать реальных сыновей царя Бакагара.

3.2.7. Не лучше обстоят дела с Нузальской надписью, где говорится не о сыновьях, а о «братьях» Ос-Багатара, в числе которых оказывается и Сослан-Давид. При этом все они объявлены представителями рода Цæразонтæ, колена Цъæхилтæ. Вот начальные строки Нузальской надписи [Лолашвили 1971: 37–38]:

<i>«Чвен вихъавит цхрани дзмани Чарджонидзе-Чъархилани⁶: Ос-Бахъатар, Давит Сослан — Отх саменот мебрдзолани; Пидароз, Джадароз, Сохъур да Гиорги — Мтърта рисцвит шемхедварни; Чвенни дзмани, самни берни — Исакъ, Романоз да Басил Икмнес Кристьес къарги хъмани».</i>	<i>«Нас было девять братьев (из рода) Чарджонидзе-Чархилани: Ос-Багатар, Давид-Сослан — С четырьмя царствами боровшиеся; Фидар, Джадар, Сокур и Георгий — Наводившие страх на врага; Трое из наших братьев, монахи Исаак, Роман и Василий, Были верными служителями Христа».</i>
---	--

Поскольку в этом тексте все интересующие нас персонажи причислены к роду Цæразонтæ, мы можем сделать вывод, что перед нами та из

⁶ В передаче автора конца XIX в., Самачаблоели, эта строка звучит так: «Чараджони-Чъархилони» [Лолашвили 1971: 20].

рассмотренных выше династических схем, которая отдает приоритет именно этому роду. Но Ос-Багатар и Сослан-Давид не являлись не только братьями, но и современниками. «Братьями» и потомками Царазона их сделала, скорее всего, та часть сказителей, о которых автор «Алгузиани» говорит как о введенных в заблуждение Сосланом-Давидом.

Учитывая эти сомнения, а также информацию «Жамтаагъмцъерели» о родном брате Бакатара (всего одном!), трудно сказать, кем в действительности приходились Ос-Багатару оставшиеся семь персонажей. Поскольку многодетность, согласно осетинскому преданию, — черта, характерная для Ос-Багатара, можно предположить, что эти семь персонажей — родные сыновья, а не братья Ос-Багатара.

В целом же, учитывая перечисленные несоответствия и искажения, на память приходят слова Б. А. Рыбакова, сказанные об историзме русских былин и их отношении к русским летописям: «Дело не в том, что былины надо понимать как соответствие или как искажение летописи, а в том, что и летопись, и былинная поэзия одинаково восходят к реальной жизни, но по-разному ее отражают». И далее: «И там и здесь возможны искажения фактов, различие в оценке событий...» [Рыбаков 1963: 86]. Эти же издержки наблюдаются и в нашем случае: информацию о родственных отношениях Ос-Багатара искажают как осетинские предания, так и Нузальская надпись.

3.2.8. На аналогичное искажение в «Алгузиани» мы указали выше: во вводной части сказано, что автор поэмы — первородный сын Бакатара, и, следовательно, у Бакатара был, как минимум, еще один сын. Но в заключительной части поэмы говорится об одном единственном сыне Алгуза по имени Цъахил. Этот же Цъахил в качестве одного из сыновей Ос-Бакатара упоминается в осетинском предании. Но мы знаем, что в поэме произошла синкопа, поэтому нельзя быть уверенным в том, что родство Цъахила с Ос-Багатаром не является результатом этой манипуляции.

3.2.9. Существует еще один источник, происхождение которого покрыто мраком. Грузинский историк З. Чичинадзе приводит рукописную книгу, написанную осетином-монахом из монастыря Давида Гареджи, который собирал сведения по истории Осетии. Описывая «восстановление царского престола после изгнания монголов», аноним сообщает, что «первым лицом, взошедшим на возрожденный престол в XIV в. был некто Тевдре Багратиони, потомок Давида Сослана». Далее он сообщает, что «после Тевдре на царский престол взошел его сын Гамза». Кроме того, аноним приводит генеалогию осетинских царей, не совпадающую ни с одной из рассмотренных выше: «Отцом Тевдре был Б., сын Б-а — Хосро, сын Хосро — Ос Багатар <...> Сын Ос Багатара — Гарсо, сын Гарсо — Тега. У

Теги было четыре сына: Сидамон, Царазон, Цахилон и Кусагон» [Чичинадзе 1993: 144–146].

О позднем происхождении данной генеалогии говорит, прежде всего, упоминающееся в ней «багратидство» Сослана-Давида, сочиненное Вахушти. Следовательно, анонимная рукопись не могла появиться раньше середины XVIII в. Но в ней представлены и такие сведения, которых нет ни у Вахушти, ни в одном другом известном нам источнике.

Во-первых, упоминавшиеся выше Сидæмон, Цæразон, Цæхилон и Къусæгон из «сыновей» Ос-Багатара превратились в его правнуков. А их отцом признан Тæга — родоначальник осетинских феодалов Тæгиатæ, что также свидетельствует о позднем характере этой генеалогии. Дело в том, что возвеличение этого рода произошло в XVII—XVIII вв. и именно к этому времени следует относить проникновение имени Тæга в рассматриваемую генеалогическую легенду.

Во-вторых, Ос-Багатар признан современником Гамза. Этот персонаж, как и его отец Тевдоре, нигде больше не упоминается. Очевидно, он правил на заключительном этапе истории Алании — до ее окончательного разгрома Тамерланом в 1395 и 1400 гг. К тому времени Ос-Багатара не было в живых.

В-третьих, у Ос-Багатара появились новый «отец» (Хосро) и новый «сын» (Гарсо), ни в одном другом источнике не упоминающиеся.

В-четвертых, родоначальником двух конкурирующих родов назван некий Б., а не Алгуз.

Таким образом, поздний характер приведенной генеалогии не вызывает сомнений. Вместе с тем, в ней есть нечто привлекательное, могущее объяснить рассмотренные выше коллизии.

3.2.10. Во-первых, в этой генеалогии упоминаются два царских рода, происходящих от одного родоначальника. Первая линия представлена именами Тевдоре и Гамза, а вторая — Хосро и Ос-Багатаром, а также потомками последнего.

Во-вторых, родоначальник первой линии назван «потомком Давида Сослана». Если это соответствует исторической действительности, то мы находим подтверждение того, что в царском доме Алании действительно существовало колено, непосредственно связанное с Сосланом-Давидом. Это и есть те самые Цæразонтæ, о которых говорит осетинское предание.

В-третьих, Ос-Багатар не принадлежал к роду Цæразонтæ.

В-четвертых, уже после эпохи Ос-Багатара и его сына (Цахила?) в Осетии к власти пришли представители рода Цæразонтæ. Это и могло послужить причиной экстраполяции: все предшествующие цари задним числом были причислены к роду Цæразонтæ.

3.2.11. Учитывая сказанное, можно по-новому подойти и к вопросу о двух генеалогиях осетинских царей в «Алгузиани». Выше (1.3.1) мы привели мнение М. Джанашивили и его сторонников, согласно которому генеалогия, ориентированная на библейского царя Давида, означает багратидство Сослана-Давида и рода Цаеразонтæ. Однако в настоящее время выясняется, что «[и]мя Давид использовалось в семейной традиции именованаречения аланских правителей», как минимум, с XI в., и «в честь прадеда Давида и был назван осетинский царевич Сослан» [Малахов 2020: 247–248]. Эта тенденция была внутriosетинской, связанной с христианским, а не грузинским влиянием. Отсюда можно сделать несколько выводов: 1) генеалогия, ориентированная на Давида, у осетинских царей не связана с грузинскими багратидами; 2) эта генеалогия бытовала только у одной ветви царского рода Алании — Цаеразонтæ; 3) именно эту генеалогию отстаивал Сослан-Давид против той, которая была ориентирована на «греческого» царя Августа.

Легенда о происхождении осетинских царей от «греческого» царя Августа, как и альтернативная легенда о происхождении Царазоновых от царя Давида, могла появиться в Алании не раньше ее крещения в X в. В XI–XII вв. в Алании, как и в Византии, возрастает значение понятия «родовитость» [Малахов 2020: 263], чем и можно объяснить напряженный интерес к этой теме у правителей Алании. Вахушти же, узнав о родстве Царазоновых с царем Давидом, решил воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы багратидить Сослана-Давида.

3.3.1. О женах Бакатара. Согласно осетинскому преданию, Ос-Багатар похитил себе в жены дочь грузинского князя во время завоевания им территории Картли. Кроме того, в некоторых преданиях утверждается, что у Бакатара было две жены, одна из которых — законная, а другая — наложница (см. выше). В Нузальской надписи также упоминается жена Бакатара — сестра грузинского царя или князя, похищенная Багатаром. Это совпадение свидетельствует о наличии у Бакатара, наряду с законной женой, еще и жены-грузинки. Однако, согласно «Алгузиани», Бакатар (Алгуз) был женат на Эстер, или Этер — дочери некоего Кесарь-хана. Но данный эпизод появился в биографии Бакатара в результате все той же синкопы, поэтому его не стоит брать в расчет. Очевидно, в данном случае следует доверять Нузальской надписи и осетинскому преданию: у Бакатара было, как минимум, две жены, одна из которых законная, а вторая — наложница.

Наличие у Алгуза/Бакатара наложниц видно и из текста поэмы. Спустя неделю после воцарения, Алгуз, оставив в столице свою жену и наместника Улдана, отправился в поход, «взяв с собой высокопоставленных лиц»:

*«Трех дочерей нонского царя
И четырех визирей и назира-курупатра <...>:
Его сопровождали [также] тысячи и 10.000 воинов» [А: 140 (141)].*

В каком качестве могли сопровождать Алгуза юные дочери побежденного им нонского царя? Возможно, он обратил их в наложниц.

4. Поэт и фальсификатор

Выше мы выяснили, что автор «Алгузиани» — первородный сын царя Бакатара — мог родиться в конце XIII в., вся сознательная жизнь которого приходится на XIV в. Несомненно, поэма была создана во второй половине этого века уже после смерти Бакатара. Мы попытались также восстановить те части поэмы, которые были устранены рукой фальсификатора. Опираясь на содержание поэмы, а также на противоречащие ему вставки фальсификатора, мы исключили возможность авторства И. Ялгузидзе как в отношении всей поэмы, так и в отношении ее фальсификации. Но кто в таком случае был фальсификатором, и что им двигало?

Как позволяют думать некоторые факты, фальсификаторов было, как минимум, двое. Об одном из них в свое время писал М. Джанашвили: «Издатель не только неряшливо отнесся к корректуре, но даже внес от себя пять четверостиший (см. 35 стр. печатного издания), чего нет вовсе в рукописи общества грамотности, а взамен этого пропустил два четверостишия — одно на 48 стр. и другое на 50, также кое-где переставил одно четверостишие на место другого, заменил одни слова другими, не понял смысла и значения их и пр.» [Джанашвили 1895: 22]. Именно по этой причине М. Джанашвили пользовался при переводе поэмы на русский язык рукописным текстом, принадлежащим обществу грамотности [Там же], а не печатным экземпляром. Имя издателя, позволившего себе вмешаться в текст поэмы, Н. Гамрекели.

Однако мы беремся утверждать, что правке подвергся и тот рукописный текст, который оказался в распоряжении грузинского ученого. Вот что пишет об этом М. Джанашвили: «По сообщению Николая Гамрекели, текст изданного им “Алгузиани” списан свящ. И. Русишвили с оригинала нузальского <...> Нузальский оригинал был с портретами царей Осетии, и в заглавии рукописи имелось раскрашенное изображение Алгуза. Где теперь находится нузальский Алгузиани Н. Гамрекели не мог указать, а так как он недавно скончался, то, вероятно, местонахождение нашей поэмы останется тайной навсегда» [А: 190].

Не исключено, что главным фальсификатором поэмы был священник И. Русишвили, выкравший ее из Нузала, а затем передавший какую-то ее часть в отредактированном виде Н. Гамрекели. Не желая публиковать всю историю осетинской царской династии, И. Русишвили утаил от читателя именно те книги, в которых говорилось о древнейшей (до XIII в.) и новой (после середины XIV в.) истории Осетии. В результате древняя часть была скомкана и разбавлена версией Вахушти, а новая попросту не дошла до нас. Судя по заглавию всего сочинения, книг было пять: «Агъустыиан», «Алгъузиан», «Русиан», «Сарагон» и «Чъахилони». Сейчас трудно сказать, какая из них в первоначальном тексте была посвящена деяниям Ос-Багатара. Возможно, в дошедшей до нас части объединены фрагменты из первых четырех книг.

Но почему из всех книг была выбрана для публикации именно та часть, которая дошла до нас? Ответ на этот вопрос очень прост: именно в этой части в числе прочего рассказывалось о деяниях Аслана Гамрекели — одного из предков Николая Гамрекели, издателя текста.

5. Ритуальный объезд территории и гибель Багатара

5.1.1. Конец жизни Алгуза начинается с поездки в Амосар. Эту поездку можно охарактеризовать как ритуальный объезд территории. Об этом говорят и слова автора: «Алгузон стал готовиться идти для обозрения царства, Готовился <...> видеть своих подданных и Хотел узнать, каким правосудием управляется его государство» [А: 177]. В Амосаре от рук сподвижников предавшего его Гамрекели Алгуз и нашел свою гибель: сначала была отравлена охрана, а затем был заколот спящий царь. Нас в данном случае интересует место гибели царя (Абхазия) и причина его гибели (пал жертвой заговора своих подданных).

5.1.2. В «Жамтаагъмцъерели» не указаны ни место, ни причина гибели Багатара. В Нузальской надписи также нет прямых указаний на место гибели Багатара, однако там упоминается местность Хидискъари, которой владел Бакатар [Лолашвили 1971: 38], что говорит о том, что последние свои дни он провел, скорее всего, в Раче. В этом же тексте содержится намек на заговор грузинских родственников, ставший причиной гибели Багатара в волнах реки [Там же].

5.1.3. В осетинском предании упоминаются разные регионы Закавказья, в которых якобы принял свою смерть Бакатар: Картли, Южная Осетия, Рача и Дарьяльское ущелье. При этом Бакатар, как и в Нузальской надписи, пал жертвой заговора грузинских феодалов, утопивших его в волнах реки.

5.1.4. В «Дзегли эриставта» утверждается, что Бакатар вместе с братом Пареджаном и вождями осетин Мнавского ущелья (= ущелье у истоков Терека, недалеко от Дарьяльского ущелья) были убиты в войне против грузин [АГ: 65].

5.1.5. Таким образом, если не считать первого из перечисленных источников, в котором место и причина гибели Бакатара не указаны, то во всех остальных, при явном разном, встречаются общие места, сближающие их с поэмой.

Во-первых, как в «Алгузиани», так и в Нузальской надписи, а также в осетинском предании говорится о заговоре грузинских князей против Алгуза / Бакатара. Во-вторых, в «Алгузиани» местом гибели Алгуза названа Абхазия и то же самое находим в цитированном выше кабардинском предании: Осдемир бежал в Абхазию, где и погиб. А в Нузальской надписи и в осетинском предании местом гибели Бакатара названа Рача. Дело в том, что в 8 в. правитель Абхазии Леон объединил всю Западную Грузию, которая в период с 8 по 13 вв. н. э. называлась «Абхазским царством». Одним из восьми эриставств этого царства было эриставство Рача-Такверское [Пайчадзе 1989: 25–26]. Таким образом, в рассматриваемых памятниках «Рача» является синонимом «Абхазского царства» и, следовательно, оба памятника указывают на одно и то же место убийства осетинского царя — Рачу, или Абхазское царство. Противоречащее этим сведениям сообщение «Дзегли эриставта» о гибели Бакатара близ Дарьяльского ущелья, представленное и в одной из версий осетинского предания, представляется нам основанным на фольклорной традиции и потому неубедительным.

5.2. Наконец, нельзя не сказать о мотиве ритуального объезда территории Бакатаром. В статье [Дзицойты 2019: 187–196] мы разобрали осетинские предания о мифическом царе горы Бурхох в Южной Осетии, также совершившем ритуальный объезд подвластной ему территории в сопровождении своих приближенных. И вот что удивительно: в этих осетинских преданиях также говорится о том, что мифический царь начал объезд с Рачи (или Имеретии), где его настигли глобальные климатические изменения, в результате которых он погиб.

Несмотря на мифологизированный характер образа царя горы Бурхох, в основе связанных с ним преданий, на наш взгляд, лежат представления средневековых осетин о ритуальных объездах аланскими царями своей территории.

Заключение. Анализ поэмы «Алгузиани» привел нас к выводу о том, что основа поэмы написана во второй половине XIV в. «первородным сыном» Бакатара. Поэма посвящена деяниям царя Осетии конца XIII —

начала XIV вв., известного в осетинских преданиях как *Ос-Багъатыр*, а в грузинской хронике как *Бахъатар оси* «Осетинский богатырь».

В XIX в. поэма дважды подверглась «редактированию». Из нее были удалены все главы (или книги?), повествующие о деяниях осетинских царей до и после Бакатара. Удалены также разделы, повествующие о начальном периоде жизни Бакатара: захвате Картли и жены-наложницы. Кроме того, имя главного героя, Бакатар, он же Алгузон, заменено именем «первого» осетинского царя Алгуз. В экспозицию и в заключительную главу «редактор» внес генеалогическую легенду об осетинских царях, сочиненную в первой половине XVIII в. грузинским историком и географом Вахушти.

Историческая часть поэмы повествует об освобождении Бакатаром своей родины, Алании, от господства монголов. Для этого ему пришлось разбить в кровопролитных сражениях черкесов, чеченцев, хетаджей и нонцев. После воцарения Алгуз предпринимает еще один важный поход против царя Амосара (Абхазии).

Большинство описанных в поэме событий находит подтверждение либо в «Жамтаагъмцъерели», либо в Нузальской надписи, либо в осетинском фольклоре, либо во всех или в двух из перечисленных источников. Можно утверждать, что «Алгузиани» представляет собой важный источник по истории Алании монгольского периода, подтверждая и дополняя сведения, имеющиеся в исторических источниках.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

А — *Алгузиани / Алгузиани* (грузинский текст с параллельным переводом на русский язык, выполненным М. Джанашвили) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 22, вып. 1. Тифлис, 1897. С. 90–196.

АГ — *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика: Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007.

АК — *Сослан Цаеразон.* Алгуызы кадаг. Цхинвал: Цыкура, 2016.

Вахушти. География Грузии / Пер. с груз. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904.

Гæдиаты Секъа. Уацмыстæ. [Сочинения (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991.

ИАА — *Ирон адамон аргъæуттæ* [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. III (1962). Цхинвал: Хуссар Ирыстон пæддзахадон рауагъдад.

ИАС (I, II) — *Ирон адамы сфæлдыстад* [Осетинское народное творчество (на осет. яз.)]. Т. I, II. Дзæуджыхъæу, 1961.

Къубалты А. Уацмыстæ [Сочинения (на осет. яз.)]. Орджоникидзе: Ир, 1978.

«МД» — журнал «Мах дуг» (на осет. яз.). Дзауджыхъæу, 1934—.

«Советон Ирыстон» — газета «Советон Ирыстон» (на осет. яз.). Цхинвал.

ССКГ — *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. V (1871). Тифлис.

«Ф» — журнал «Фидиуæг» (на осет. яз.). Цхинвал, 1927—.

Исследования

Абаев В. И. Алгузиани. Перевод с грузинского // Известия Осетинского НИИ краеведения. Вып. II. Владикавказ, 1926.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989.

Абаев В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ: Ир, 1990.

Алборов Б. А. Этноним «Царциата» осетинских нартских сказаний // ОРФ СОИГ-СИ. Ф. 19, оп. 1, д. 112. 1963.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М.: Менеджер, 2003.

Андроникашвили М. Наркъвевеби иранул-картули еноброви уртиертобидан [Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1966.

Алборты Х. Уидæгтæ æмæ къабæзтау. Цхинвал: Ирыстон, 1985.

Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1988.

Бродель Фернан. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Цхинвал: Юго-осет. книжн. изд-во, 1959.

Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвал: Ирыстон, 1989.

Гаглойти Ю. С. Средневековые летописи о Давиде Сослане // Литературная Осетия. № 33. 1969(а). С. 120–127.

Гаглойти Ю. С. Абхазо-осетинские нартские параллели // Известия ЮОНИИ. Вып. 16. Тбилиси: Мецниереба, 1969(б). С. 57–71.

Гаглойти Ю. С. Из истории Восточной Осетии: Арвыком, Тырсы, Гудыком // Фыдыуæзæг / Отчий край: Тырсыгом, Хъудыком, Къобы зылд. Дзауджыхъæу: Проект-Пресс, 2008. С. 19–42.

Гаглойти Ю. С. Об одном переводе «Алгузиани» или как создаются исторические мифы и фальшивки // газета «Республика», 2017, № 36–38. С. 29–32.

Гуриев Т. А. Этимологический состав имен алан-асов китайских летописей // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991. С. 36–37.

Д–и М. (= Джанашивили М.) Об осетинской истории // газета «Новое обозрение», № 4076 за 1895 г. [Цитируем по: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. II: Цхинвал: Ирыстон, 1982. С. 17–22].

Джанашивили М. Предисловие, комментарии к тексту «Алгузиани» // СМОМПК, Т. 22, вып. 1. Тифлис 1897. С. 90–196.

Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. Т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

Джусойты Н. Балц ирон аив дзырды дунемæ. 1-аг чыныг. Цхинвал: Хуссар Алани, 2012.

Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ: Алания, 1992.

Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017.

Дзиццойты Ю. А. Об исторических границах Южной Осетии // Центральная Евразия. № 1(3). М., 2019. С. 181–236.

Дзиццойты Ю. А. Опыт историко-культурологического анализа преданий о Хетатге // Nartamongæ. Vol. XV, № 1, 2. 2020. С. 222–265.

Дзиццойты Ю. А. В поисках столицы Алании // Нартамонгæ. 2022. Т. 17. С. 243–289.

Дзиццойты Ю. А. Еще раз о столице Алании // Нартамонгæ, 2023. Т. 18, № 1, 2. С. 111–118.

Дюмезиль Ж. Сидамон и его братья // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ: СЕМ, 2019. С. 125–130.

Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд. М.: Наука, 1971.

Калоты Г. Ирон литературæ. Хрестомати. Орджоникидзе: Ир, 1982.

Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир 1990.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е издание, дополненное. Владикавказ: Ир, 1992.

Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.

Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография, № 1. 1956. С. 19–28.

Лолашвили И. Тайна гробницы Давида Сослани (на груз. яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1971.

Лубоцкий А. М. Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука, 2016. С. 89–140.

Малахов С. Н. Алания и Византия. Исторические аспекты политических и церковных связей: избранные статьи. М.: СЕМ, 2015.

Малахов С. Н. Аланская митрополия в X–XVI вв.: Историко-археологические очерки. Владикавказ: Ир, 2020.

Пайчадзе Г. Г. Название Грузии в русских письменных исторических источниках. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

- Пигулевская Н. В.* К вопросу о «письменных» народах древности // Древний мир. М.: Наука, 1962.
- Пфаф Б. В.* Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V, отд. 2. Тифлис, 1871. С. 1–100.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Темырханты С.* Иры истори. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1994.
- Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид (к вопросу о его генеалогии) // Известия ЮО НИИ АН ГССР. Вып. 26. 1981. С. 102–113.
- Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид. Владикавказ: Ир, 1990.
- Тыбылты А.* Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал: Ирыстон, 1988.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. Т. IV. М.: Прогресс, 1987.
- Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975.
- Цховребова З. Д.* Осетины в Южной Осетии и Грузии в XIX–XX вв. Цхинвал: Ирыстон, 2007.
- Чибиров Л. А.* К вопросу об идентичности Агузата и Агузарта // Вопросы литературы и фольклора. Вып. IX. Владикавказ, 2017. С. 234–249.
- Чичинадзе З.* История Осетии по грузинским источникам [= дилетантское издание]. Цхинвал: б. и. 1993.

Sources

- A — Alguziani / Alguziani (Georgian text with a parallel Russian translation by M. Dzhanishiev). Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus, vol. 22, issue 1. Tiflis, 1897, pp. 90–196. (In Georgian and Russian)
- AG — *Gagloyti, Yu. S.* Alano-Georgica: Information from Georgian Sources about Ossetia and the Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2007. (In Russian)
- AK — *Soslan Tsærazon.* Alguyzy Kadag. Tskhinval: Tsykura, 2016. (In Ossetian)
- Vakhushti. Geography of Georgia. Translated from Georgian. Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society, book XXIV, issue 5. Tiflis, 1904. (In Russian)
- Gædiaty Sek'a. Uatsmystæ [Collected Works, in Ossetian]. Dzaudzhikau: Ir, 1991. (In Ossetian)
- IAA — *Iron adæmon argætutæ* [Ossetian Folk Tales]. Vol. III. Tskhinval: Publishing House of the Republic of South Ossetia, 1962. (In Ossetian)
- IAS (I, II) — *Iron adæmy sfældystad* [Ossetian Folk Creativity]. Vols. I–II. Dzaudzhikau, 1961. (In Ossetian)
- K'ubalty, A. Uatsmystæ [Collected Works, in Ossetian]. Ordzhonikidze: Ir, 1978. (In Ossetian)
- “MD” — *Journal Makh Dug*, Dzaudzhikau, 1934–. (in Ossetian)

“Soveton Iryston” — Newspaper Soveton Iryston, Tskhinval. (in Ossetian)
SSKG — Collection of Information about the Caucasian Highlanders. Issue V. Tiflis, 1871. (In Russian)
“F” — Journal Fidiuæg, Tskhinval, 1927–. (in Ossetian)

References

- Abaev, V. I.* Alguziani. Translation from Georgian. Proceedings of the Ossetian Research Institute of Regional Studies, vol. II. Vladikavkaz, 1926. (in Russian)
- Abaev, V. I.* The Ossetian Language and Folklore. Vol. I. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. (in Russian)
- Abaev, V. I.* Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Vol. II. Leningrad: Nauka, 1973. (in Russian)
- Abaev, V. I.* Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Vol. III. Leningrad: Nauka, 1979. (in Russian)
- Abaev, V. I.* Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Vol. IV. Leningrad: Nauka, 1989. (in Russian)
- Abaev, V. I.* Selected Works. Vol. I. Vladikavkaz: Ir, 1990. (in Russian)
- Alborov, B. A.* The Ethnonym “Tsartsiyata” in Ossetian Nart Tales. Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (SOIGSI). File 19, inv. 1, d. 112. 1963. (in Russian)
- Aleman, A.* Sources on the Alans. A Critical Compilation. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000.
- Andronikashvili, M.* Essays on Iranian–Georgian Linguistic Relations [in Georgian]. Vol. I. Tbilisi: Tbilisi University Press, 1966. (in Russian)
- Bzarov, R. S.* Three Ossetian Communities in the Mid-Nineteenth Century. Ordzhonikidze: Ir, 1988. (in Russian)
- Braudel, Fernand.* The Perspective of the World: Civilization and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 3. Moscow: Progress, 1992. (in Russian)
- Vaneev, Z. N.* Medieval Alania. Tskhinval: South Ossetian Book Publishing House, 1959. (in Russian)
- Vaneev, Z. N.* Selected Works on the History of the Ossetian People. Vol. I. Tskhinval: Iryston, 1989. (in Russian)
- Gagloyty, Yu. S.* Medieval Chronicles about David Soslan. Literaturnaya Osetiya, no. 33. 1969(a). pp. 120–127. (in Russian)
- Gagloyty, Yu. S.* Abkhaz–Ossetian Nart Parallels. Proceedings of the South Ossetian Research Institute, vol. 16. Tbilisi: Metsniereba, 1969(b). pp. 57–71. (in Russian)
- Gagloyty, Yu. S.* From the History of Eastern Ossetia: Arvykhom, Tyrsy, Gudykom, Fydyuazag. In: Fatherland: Tyrsygom, Khudykom, Koby Zyld. Dzaudzhikhaeu: Proekt-Press, 2008. pp. 19–42. (in Russian)

Gagloyty, Yu. S. On One Translation of “Alguziani,” or How Historical Myths and Forgeries Are Created. *Respublika* newspaper, 2017, nos. 36–38, pp. 29–32. (in Russian)

Guriev, T. A. The Etymological Composition of the Names of the Alan-Ases in Chinese Chronicles. In: First International Scientific Conference “Ossetian Studies: History and Modernity.” Vladikavkaz, 1991. pp. 36–37. (in Russian)

D-i M. (= Dzhanzhvili, M.) On the History of the Ossetians. *Novoe Obozrenie* newspaper, no. 4076 (1895). [Cited from: The Periodical Press of the Caucasus on Ossetia and the Ossetians. Vol. II. Tskhinval: Iryston, 1982. pp. 17–22.] (in Russian)

Dzhanzhvili, M. Preface and Commentary to the Text “Alguziani.” Proceedings of the Caucasian Archaeological Society (SMOMPK), vol. 22, no. 1. Tiflis, 1897. pp. 90–196. (in Russian)

Dzhusoyty, N. G. History of Ossetian Literature. Vol. I. Tbilisi: Metsniereba, 1980. (in Russian)

Dzhusoyty, N. Balt Iron Æyv Dzyrды Dunæmæ. Part 1. Tskhinval: Khussar Alani, 2012. (in Ossetian)

Dzitsoyty, Yu. A. The Narts and Their Neighbors. Vladikavkaz: Alania, 1992. (in Russian)

Dzitsoyty, Yu. A. Issues of Ossetian Philology. Vol. I. Tskhinval: Respublika, 2017. (in Russian)

Dzitsoyty, Yu. A. On the Historical Borders of South Ossetia. *Central Eurasia*, no. 1(3). Moscow, 2019. pp. 181–236. (in Russian)

Dzitsoyty, Yu. A. An Attempt at a Historical and Cultural Analysis of the Legends about Khetag. *Nartamongæ*, vol. XV, nos. 1–2, 2020. pp. 222–265. (in Russian)

Dzitsoyty, Yu. A. In Search of the Capital of Alania. *Nartamongæ*, 2022, vol. 17, pp. 243–289. (in Russian)

Dzitsoyty, Yu. A. Once Again on the Capital of Alania. *Nartamongæ*, 2023, vol. 18, nos. 1–2, pp. 111–118. (in Russian)

Dumézil, G. Sidamon and His Brothers. In: *Epic and Mythology of the Ossetians and World Culture*. Vladikavkaz: SEM, 2019. pp. 125–130. (in Russian)

Kaloev, B. A. The Ossetians: A Historical and Ethnographic Study. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1971. (in Russian)

Kaloty, G. Iron Literature. Reader. Ordzhonikidze: Ir, 1982. (in Ossetian)

Kuznetsov, V. A. Rekom, Nuzal and Tsarazonta. Vladikavkaz: Ir, 1990. (in Russian)

Kuznetsov, V. A. Essays on the History of the Alans. 2nd ed., revised and expanded. Vladikavkaz: Ir, 1992. (in Russian)

Kuklina, I. V. Ethnogeography of Scythia According to Ancient Sources. Leningrad: Nauka, 1985. (in Russian)

Lavrov, L. I. The Origin of the Kabardians and Their Settlement in the Present Territory. *Soviet Ethnography*, no. 1 (1956): 19–28. (in Russian)

Lolashvili, I. The Mystery of the Tomb of David Soslan [in Georgian]. Tbilisi: Metsniereba, 1971. (in Georgian)

- Lubotsky, A. M.* Alanian Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript. In: Monuments of the Alanian Language and Writing. Moscow: Nauka, 2016. pp. 89–140. (in Russian)
- Malakhov, S. N.* Alania and Byzantium: Historical Aspects of Political and Ecclesiastical Relations. Selected Articles. Moscow: SEM, 2015. (in Russian)
- Malakhov, S. N.* The Alanian Metropolis in the 10th–16th Centuries: Historical and Archaeological Essays. Vladikavkaz: Ir, 2020. (in Russian)
- Pigulevskaya, N. V.* On the Question of the “Literate” Peoples of Antiquity. In: The Ancient World. Moscow: Nauka, 1962. (in Russian)
- Pfaff, B. V.* Materials for the History of the Ossetians. Collection of Information about the Caucasian Highlanders, vol. V, part 2. Tiflis, 1871. pp. 1–100. (in Russian)
- Rybakov, B. A.* Ancient Rus’: Tales, Bylinas, Chronicles. Moscow, 1963. (in Russian)
- Temyrkhanty, S.* Iron History. Dzaudzhikhaeu: Alanyston, 1994. (in Ossetian)
- Togoshvili, G. D.* Soslan-David (On His Genealogy). Proceedings of the South Ossetian Scientific Research Institute of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, vol. 26 (1981): 102–113. (in Russian)
- Togoshvili, G. D.* Soslan-David. Vladikavkaz: Ir, 1990. (in Russian)
- Tybylty, A.* Uatsmysty Æmbyrdgond. Tskhinval: Iryston, 1988. (in Ossetian)
- Vasmer, M.* Etymological Dictionary of the Russian Language. Translated from German. Vol. IV. Moscow: Progress, 1987. (in Russian)
- Tsagaeva, A. D.* Toponymy of North Ossetia. Part II. Ordzhonikidze: Ir, 1975. (in Russian)
- Tskhovrebova, Z. D.* The Ossetians in South Ossetia and Georgia in the 19th–20th Centuries. Tskhinval: Iryston, 2007. (in Russian)
- Chibirov, L. A.* On the Question of the Identity of Aguzat and Aguzart. In: Issues of Literature and Folklore, vol. IX. Vladikavkaz, 2017. pp. 234–249. (in Russian)
- Chichinadze, Z.* The History of Ossetia According to Georgian Sources [= amateur edition]. Tskhinval: n.p., 1993. (in Russian)